COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE
CU23573775

B34H36 — Q5

834 H36 Q5

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY

№ 873. 10 к.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Генрихъ Гейне

Флорентійскія ночи

Переводъ съ нѣмецкаго
Е. Рудневой.

Книгоиздательство
„ПОЛЬЗА“
В. АНТИКЪ и К°.
МОСКВА.

Универсальная библіотека.—Цѣна номера 10 коп.

Отдѣлъ русской литературы.

501. **Толстой.** Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ.
502. **Толстой.** Крейцерова соната.
503. **Толстой.** Власть тьмы.
504. **Толстой.** Плоды просвѣщенія.
505. **Толстой.** Корней Васильевъ и др.
506-507. **Къ волѣ.** Крѣпостное право въ народной поэзіи. Сборникъ. Составилъ **Н. Л. Бродскій.**
508-509. **Рабство и воля.** Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литерат. Сборникъ. Составили **И. Розановъ** и **Н. Сидоровъ.**
510. **Толстой.** Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ и др. разсказы.
511. **Толстой.** Первый винокуръ и др.
512. **Гоголь.** Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I.
513. **Гоголь.** Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. II.
514. **Карамзинъ.** Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь, Марѳа Посадница.
515-516. **Аксаковъ.** Семейная хроника.
517. **Толстой.** Чѣмъ люди живы и др.
518. **Пушкинъ.** Капитанская дочка. Исторія села Горюхина.
519. **Пушкинъ.** Повѣсти Бѣлкина. Дубровскій.
520. **Пушкинъ.** Пиковая дама. Арапъ Петра В. Египетскія ночи. Отрывки.
521-524. **Толстой.** Воскресеніе.
525-526. **Бѣлинскій.** Статьи о Пушкинѣ. I—IV.
527-529. **Бѣлинскій.** Статьи о Пушкинѣ. V—XI.
530-531. **Лермонтовъ.** Кн. Лиговская. Герой нашего времени.
532. **Лермонтовъ.** Вадимъ.
533. **Толстой.** Три смерти. Поликушка.
534-536. **Аксаковъ.** Дѣтскіе годы Багрова-внука.
537. **Воейковъ.** Домъ сумасшедшихъ.
538. **Фонвизинъ.** Бригадиръ. Недоросль.
539. **Гоголь.** Миргородъ. Ч. I.
540. **Гоголь.** Миргородъ. Ч. II.
541-543. **Квитка - Основьяненко.** Панъ Халявскій.
544-545. **Аксаковъ.** Воспоминанія.
546. **Толстой.** Для дѣтей. Кн. I. Кавказскій плѣнникъ и др.
547. **Толстой.** Для дѣтей. Кн. II. Басни, былины и др.
548. **Сологубъ.** Отрокъ Линъ и др.
549. **Толстой.** Живой трупъ и др.
550. **Сологубъ.** Маленькій человѣкъ.
551. **Никитинъ.** Дневн. семинариста.
552. **Никитинъ.** Кулакъ.
553. **Никитинъ.** Избранныя стихотворенія и біографія.
554. **Гоголь.** Портретъ. Носъ. Шинель.
555. **Гоголь.** Невскій проспектъ. Записки сумасшедшаго. Римъ. Жизнь.
556-557. **Добролюбовъ.** Темное царство.
558. **Добролюбовъ.** Что такое Обломовщина? Когда же придетъ настоящій день?
559. **Думы и пѣсни.** Сборникъ стихотвореній новыхъ поэтовъ. Составила А. с. **Чеботаревская.**
560-561. **Никитинъ.** Стихотворенія.
562-563. **Ломоносовъ.** Избранныя сочиненія и біографія.
564. **Добролюбовъ.** Лучъ свѣта в темномъ царствѣ.
565-567. **Загоскинъ.** Рославлевъ.
568-569. **Погорѣльскій.** Монастырка
570. **Жуковскій.** Наль и Дамаянт
571. **Жуковскій.** Рустемъ и Зора
572. **Слово о полку Игоревѣ.**
573. **Маркъ Криницкій.** Пошлость и др. разсказы.
574. **Пѣсни каторги.** Собр. В. Гартевельдъ.
575-577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ.** Душенька.
579. **Ленскій.** Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мей.** Царская невѣста.
581. **Мей.** Псковитянка.
582-583. **Отечественная война въ русской поэзіи.** Составили **Н. Бродскій** и **Н. Сидоровъ.**
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Капитанъ Кукъ и др. разсказы.
585. **Ковальскій.** Жизнь—мгновенье и др. разсказы.
586. **Сологубъ.** Опечаленная невѣста и др.
587. **Толстой.** Отецъ Сергій. Дьяволъ.
588-589. **Комическая опера XVIII вѣка:** Аблесимовъ, Княжнинъ, Плавильщиковъ.
590. **Андреевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ

ФЛОРЕНТІЙСКІЯ НОЧИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. РУДНЕВОЙ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ПОЛЬЗА“
В. Антикъ и К°.

Heine
Florentïïskïïa
nochi

834H36
Q5

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1913.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Въ передней Максимиліанъ засталъ врача, который уже натягивалъ черныя перчатки. «Я очень спѣшу», торопливо крикнулъ онъ навстрѣчу Максимиліану. «Синьора Марія не спала весь день и только сейчасъ слегка задремала. Мнѣ нечего напоминать вамъ о томъ, что слѣдуетъ избѣгать всякаго шума, который могъ бы разбудить ее; а когда она проснется, то, Бога ради, не давайте ей говорить. Она должна спокойно лежать, не должна двигаться, не должна шевелиться, не должна говорить, и лишь духовное оживленіе благотворно для нея. Пожалуйста, разсказывайте ей опять всякій вздоръ, такъ чтобы она спокойно васъ слушала».

«Не безпокойтесь, докторъ», съ грустной улыбкой возразилъ Максимиліанъ. «Изъ меня выработался настоящій болтунъ, и я не даю ей выговорить ни слова. И я буду разсказывать ей фантастическія бредни, безъ конца, сколько угодно... Но много ли ей еще осталось жить?»

«Я очень спѣшу», отвѣтилъ врачъ и исчезъ.

Черная Дебора, съ ея чуткимъ слухомъ, по походкѣ узнала новопришедшаго и тихо открыла ему дверь. По его знаку она такъ же тихо удалилась изъ комнаты, и Максимиліанъ остался одинъ около своей подруги. Единственная лампа сумеречнымъ свѣтомъ освѣщала комнату. Эта лампа бросала то робкіе, то любопытные отсвѣты на лицо больной женщины, которая лежала, вытянувшись на зеленой шелковой софѣ, одѣтая въ бѣлыя легкія ткани.

Молча, скрестивъ руки на груди, стоялъ Максимиліанъ нѣкоторое время передъ спящей и созерцалъ прекрасныя формы ея, которыя скорѣе открывались, чѣмъ прикрывались легкою одеждою, и каждый разъ, когда лампа бросала лучъ свѣта на блѣдное лицо, сердце его начинало сильнѣе биться. «Боже!» прошепталъ онъ про себя, «Что это? Какое воспоминаніе оживаетъ во мнѣ? Да, теперь я знаю. Эта бѣлая фигура на зеленомъ фонѣ, да, теперь...»

Въ эту минуту больная проснулась, и, точно изъ глубины сновидѣнія, поднялись на друга ея мягкіе, темносиніе глаза съ вопросомъ, съ мольбою...

«О чемъ вы сейчасъ думали, Максимиліанъ?» спросила она тѣмъ зловѣще мягкимъ голосомъ, которымъ говорятъ чахоточные и въ которомъ какъ бы слышишь лепетъ ребенка, щебетаніе птицы и послѣдніе хрипы умирающаго.

«О чемъ вы сейчасъ думали, Максимиліанъ?» еще разъ повторила она и вдругъ поднялась такимъ рѣзкимъ движеніемъ, что длинныя

кудри ея, какъ вспугнутыя золотыя змѣи, кольцами окружили ея голову.

«Ради Бога!» воскликнулъ Максимиліанъ, бережно укладывая ее опять на софу, «лежите спокойнѣе, не говорите; я все скажу вамъ, все, что я думаю, все, что чувствую и даже то, чего самъ не знаю!»

«На самомъ дѣлѣ», продолжалъ онъ, «я не могу вамъ въ точности сказать, о чемъ я сейчасъ думалъ и что чувствовалъ. Картины дѣтства туманной вереницей проносились въ головѣ, я вспоминалъ замокъ моей матери, запущенный садъ вокругъ него, прекрасную мраморную статую, лежавшую тамъ въ зеленой травѣ... Я упомянулъ о «замкѣ моей матери», но, ради Бога, не представляйте себѣ при этомъ ничего роскошнаго и великолѣпнаго! Я просто привыкъ такъ говорить. Отецъ мой вкладывалъ какое-то особенное выраженіе въ слово «замокъ» и улыбался при этомъ всегда такъ странно. Значеніе этой улыбки я понялъ лишь впослѣдствіи, когда я, мальчуганомъ лѣтъ двѣнадцати, поѣхалъ съ матерью къ замку. Это было мое первое путешествіе. Цѣлый день мы ѣхали по густому лѣсу, и жуткій мракъ его оставилъ во мнѣ незабываемое впечатлѣніе. Лишь подъ вечеръ мы остановились передъ длиннымъ шлагбаумомъ, который отдѣлялъ насъ отъ широкой поляны. Намъ пришлось ждать почти полчаса, пока изъ ближайшей мазанки не вышелъ малый, который отодвинулъ барьеръ и впустилъ насъ. Я назвалъ его «малымъ», потому что старая Марта продолжала

такъ называть своего сорокалѣтняго племянника. Послѣдній, для того, чтобы должнымъ образомъ встрѣтить благородныхъ господъ, напялилъ на себя старую ливрею своего покойнаго дяди, и, такъ какъ изъ нея предварительно необходимо было выколотить пыль, ему пришлось заставить насъ такъ долго ждать. Если бы повременить еще, то онъ, вѣроятно, надѣлъ бы и чулки, но его длинныя, голыя красныя ноги мало отдѣлялись отъ яркой пунцовой ливреи. Были ли на немъ еще и панталоны, я не помню. Нашъ слуга Іоганнъ, который тоже часто слышалъ о «замкѣ», сдѣлалъ очень удивленное лицо, когда малый подвелъ его къ маленькой, покосившейся постройкѣ, гдѣ жилъ покойный баринъ. Но онъ обнаружилъ полную растерянность, когда мать приказала ему внести туда постель. Какъ могъ онъ думать, что въ «замкѣ» не окажется постелей! И приказаніе матери о томъ, чтобы онъ захватилъ постель для насъ, онъ или вовсе не слышалъ, или пропустилъ мимо ушей, считая это безполезнымъ безпокойствомъ.

«Маленькій одноэтажный домикъ, который и въ свои лучшія времена насчитывалъ не болѣе пяти жилыхъ комнатъ, сейчасъ представлялъ унылую картину тлѣнности жизни: поломанная мебель, рваные обои, ни одного цѣлаго оконнаго стекла, кое-гдѣ оторванныя половицы, всюду безобразные слѣды своевольнаго хозяйничанья солдатъ. «Солдатскій постой у насъ всегда очень веселился!» сказалъ малый съ безсмысленной улыбкой. Но мать сдѣлала намъ знакъ, чтобы мы

ее оставили одну, и въ то время, какъ малый занялся съ Іоганномъ, я отправился осматривать садъ. И садъ тоже являлъ мрачный видъ полнаго запустѣнія. Большія деревья частью омертвѣли и стояли искалѣченныя, частью были сломлены, и вьющіеся паразиты ехидно обвивались вокругъ павшихъ стволовъ. Мѣстами разросшіеся кусты намѣчали заглохшія дорожки. Кое-гдѣ стояли статуи, которымъ почти всюду не хватало головы или въ лучшемъ случаѣ носа. Я вспоминаю Діану, у которой нижняя часть тѣла самымъ смѣшнымъ образомъ обросла темнымъ плющемъ, вспоминаю также богиню изобилія, у которой изъ ея рога пышно выбивались дурнопахнущія сорныя травы. И лишь одна только статуя, Богъ знаетъ какъ, уцѣлѣла отъ злобы людей и времени; правда, она была сброшена со своего пьедестала въ высокую траву, но здѣсь она лежала нетронутая, эта мраморная богиня съ прекрасными чистыми чертами лица и строгими формами благородной груди, и, какъ греческое откровеніе, она сіяла въ высокой травѣ. Я почувствовалъ почти страхъ, когда увидѣлъ ее; эта статуя внушала мнѣ страшный жгучій трепетъ, и тайная робость не позволяла мнѣ долго наслаждаться созерцаніемъ ея красоты.

«Когда я вновь вернулся къ матери, она стояла у окна, погруженная въ мысли; голова ея опиралась на ея правую руку, и слезы безустанно текли у нея по щекамъ. Никогда я до тѣхъ поръ не видѣлъ, чтобы она такъ плакала. Она обняла меня съ порывистой нѣжностью и стала

извиняться за то, что я, по небрежности Іоганна, не буду имѣть порядочной постели. «Старая Марта», сказала она, «тяжело больна и поэтому не можетъ тебѣ, милое дитя, уступить свою постель. Но пусть Іоганнъ возьметъ подушки изъ кареты и устроитъ такъ, чтобы ты могъ на нихъ спать, и пусть онъ дастъ тебѣ также свой плащъ вмѣсто одѣяла. Я сама буду спать здѣсь на соломѣ; это спальня моего покойнаго отца; когда-то здѣсь все имѣло лучшій видъ. Оставь меня одну!»,—и слезы еще сильнѣе полились изъ ея глазъ.

«Не знаю, отъ непривычнаго ли ложа или сердечнаго волненія, но я не могъ спать. Сквозь разбитое окно прямо вливался лунный свѣтъ, и мнѣ казалось, что онъ манитъ меня туда, въ свѣтлую лѣтнюю ночь. Я ворочался на своей постели съ боку на бокъ, я закрывалъ глаза и опять нетерпѣливо открывалъ ихъ, и все время неотступно передо мною стояла прекрасная мраморная статуя, которую я видѣлъ лежащей въ травѣ. Я не могъ объяснить себѣ робости, охватившей меня при взглядѣ на нее, я досадовалъ на себя за это ребяческое чувство, и «завтра», тихо сказалъ я себѣ, «завтра мы поцѣлуемъ тебя, прекрасный мраморный ликъ, поцѣлуемъ тѣ прекрасные уголки рта, гдѣ губы заканчиваются восхитительными ямочками!» Нетерпѣніе, подобнаго которому я никогда не испытывалъ, охватило все мое существо, я не въ силахъ былъ дольше сопротивляться странному влеченію и, наконецъ, вскочивъ съ постели, я воскли-

нулъ съ задорной смѣлостью: «Ну, что-жъ! Я поцѣлую тебя еще сегодня, прекрасный образъ!» Тихо, чтобы мать не услыхала моихъ шаговъ, я вышелъ изъ дома, и это не представляло никакой трудности, потому что подъѣздъ дома, хотя и былъ еще украшенъ величественнымъ гербомъ, лишенъ былъ дверей; затѣмъ я сталъ поспѣшно пробираться сквозь чащу запущеннаго сада. Не слышно было ни звука, безмолвно и важно все покоилось въ лунномъ свѣтѣ. Тѣни деревьевъ лежали на землѣ точно пригвожденныя. И такъ же недвижимо лежала въ зеленой травѣ прекрасная богиня; но не каменная неподвижность, а тихій сонъ, казалось, сковалъ ея дивные члены, и, когда я приблизился къ ней, мнѣ стало страшно, что малѣйшимъ шорохомъ я могу пробудить ее отъ дремоты. Я затаилъ дыханіе, наклоняясь надъ нею, чтобы разглядѣть прелестныя черты ея лица; жуткій страхъ отталкивалъ меня отъ нея, и въ то же время жгучее мальчишеское желаніе влекло меня къ ней, сердце мое билось, какъ будто я готовился къ убійству, и, наконецъ, я поцѣловалъ прекрасную богиню съ такимъ огнемъ, съ такою нѣжностью, съ такимъ отчаяніемъ, какъ я никогда больше не цѣловалъ въ своей жизни. И никогда послѣ я не могъ забыть то жуткое и сладкое чувство, которое хлынуло въ мою душу, когда я своими губами ощутилъ блаженный холодъ ея мраморныхъ губъ... И знаете, Марія, когда я сейчасъ стоялъ передъ вами и смотрѣлъ на васъ, сіяющую въ бѣлой одеждѣ на зеленой софѣ, вы напомнили мнѣ ту бѣлую

мраморную богиню, которая лежала въ зеленой травѣ. Если бъ вы не проснулись, мои губы не могли бы дольше противиться искушенію...»

«Максъ! Максъ!» крикнула женщина, и крикъ ея шелъ какъ бы изъ глубины ея сердца. «Это ужасно! Вы знаете, что поцѣлуй вашихъ устъ...»

«О, замолчите! Я знаю, что это для васъ было бы ужасно! Не смотрите на меня только съ такою мольбой. Я понимаю ваши чувства, хотя отъ меня скрыта истинная причина ихъ. Я никогда не смѣлъ прижаться своими губами къ вашимъ...»

Но Марія не дала ему кончить, она схватила его руку, покрыла ее горячими поцѣлуями и сказала затѣмъ, улыбаясь: «Пожалуйста, пожалуйста, разсказывайте мнѣ еще о вашихъ любовныхъ дѣлахъ. Какъ долго продолжалась ваша любовь къ мраморной красавицѣ, которую вы поцѣловали въ аллеяхъ замка вашей матери?»

«Мы уѣхали на другой день», отвѣчалъ Максимиліанъ, «и я никогда больше не видѣлъ этого прелестнаго изваянія. Но почти четыре года еще сердце мое было занято имъ. Съ этого времени въ моей душѣ развилась поразительная страсть къ мраморнымъ статуямъ, и не далѣе какъ сегодня утромъ я испыталъ ихъ магическую силу. Я возвращался изъ Лауренціаны, библіотеки Медичи, а забрелъ, не знаю какъ, въ капеллу, гдѣ тихо покоится этотъ великолѣпный родъ Италіи въ сіочивальнѣ, воздвигнутой изъ благородныхъ камней. Цѣлый часъ оставался я

тамъ, погруженный въ созерцаніе мраморнаго изваянія женщины, мощныя линіи тѣла которой носятъ на себѣ печать сильнаго и смѣлаго рѣзца Микель-Анжело, въ то время какъ весь ея обликъ обвѣянъ той воздушной нѣжностью, которая обычно не свойственна именно этому мастеру. Въ этомъ мраморѣ заковано все царство грезъ съ его тихими очарованіями, кроткимъ покоемъ дышатъ прекрасныя формы статуи, и словно умиротворяющій лунный свѣтъ струится по ея жиламъ... Это—Ночь Микель-Анджело-Буонаротти. О, какъ охотно заснулъ бы я вѣчнымъ сномъ въ объятіяхъ этой ночи!..»

«Женскіе образы, изображенные на картинахъ», продолжалъ Максимиліанъ послѣ нѣкотораго молчанія, «никогда такъ сильно не увлекали меня, какъ статуи. Лишь одинъ разъ я былъ влюбленъ въ картину. Это была Мадонна поразительной красоты, найденная мною въ одной церкви въ Кельнѣ на Рейнѣ. Я сдѣлался тогда ревностнымъ посѣтителемъ церкви, и духъ мой погрузился въ мистику католицизма. Въ то время я, подобно испанскому рыцарю, охотно бился бы ежедневно на жизнь и смерть въ честь непорочнаго зачатія Маріи, королевы ангеловъ, прекраснѣйшей дамы неба и земли! Все Святое Семейство пользовалось тогда моими глубокими симпатіями, и я съ особенной сердечностью снималъ шляпу всякій разъ, когда мнѣ приходилось проходить мимо изображенія Св. Іосифа. Но это состояніе длилось не много времени, и я очень быстро порвалъ съ прекрасной Мадонной, когда

познакомился въ античной галлереѣ съ одной греческой нимфой, которая долго продержала меня затѣмъ въ своихъ мраморныхъ оковахъ».

«И вы любили всегда только женщинъ, высѣченныхъ изъ камня или написанныхъ на полотнѣ?» съ усмѣшкой спросила Марія.

«Нѣтъ, я любилъ также мертвыхъ женщинъ», отвѣтилъ Максимиліанъ, лицо котораго стало опять очень серьезнымъ. Онъ не замѣтилъ, что при этихъ словахъ Марія съ ужасомъ содрогнулась, и спокойно продолжалъ:

«Да, какъ это ни странно, разъ я влюбился въ дѣвушку черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ она умерла. Когда я познакомился съ маленькой Вери, она мнѣ очень понравилась. Цѣлые три дня я былъ поглощенъ этой юной особой, я находилъ въ высшей степени забавнымъ и милымъ все то, что она дѣлала и говорила, всѣ проявленія ея чарующе-страннаго существа, однако особенно нѣжныхъ чувствъ я при этомъ не испытывалъ. Я не былъ также очень глубоко огорченъ, когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, пришло извѣстіе, что она внезапно умерла отъ нервной горячки. Скоро я совершенно забылъ ее, и убѣжденъ, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ ни разу о ней не думалъ. Прошло цѣлыхъ семь лѣтъ; я пріѣхалъ въ Потсдамъ, чтобы въ полномъ, ничѣмъ не нарушаемомъ одиночествѣ наслаждаться прекраснымъ лѣтнимъ временемъ. Я не входилъ тамъ въ общеніе ни съ однимъ человѣкомъ, и все мое общество ограничивалось статуями, находящимися въ саду Сань-Суси. И вотъ

тутъ-то въ моей памяти вдругъ встали какія-то черты лица, какая-то на рѣдкость привлекательная манера говорить и двигаться, но, несмотря на всѣ усилія, я не могъ рѣшить, какому именно лицу все это принадлежитъ. Нѣтъ ничего мучительнѣе, какъ такое раскапываніе старыхъ воспоминаній, и я былъ словно обрадованъ, когда, вспомнивъ какъ-то о маленькой Вери, сразу понялъ, что это ея милый забытый образъ ожилъ во мнѣ и лишалъ меня покоя. Да, я обрадовался этому открытію, какъ человѣкъ, внезапно обрѣтшій своего близкаго друга; потускнѣвшія краски мало-по-малу оживились, и, наконецъ, прелестная крошка стояла передо мной какъ живая, со своимъ смѣхомъ, со своими надутыми губками, со своимъ острымъ язычкомъ, и болѣе очаровательная, чѣмъ когда-либо. Съ той поры я не хотѣлъ уже больше разставаться съ этимъ дорогимъ образомъ; онъ заполнилъ всю мою душу; гдѣ бы я ни находился, онъ стоялъ или шелъ рядомъ со мною, говорилъ со мною, смѣялся со мною, но смѣялся невинно и безъ особенной нѣжности. Я, однако, все болѣе и болѣе очаровывался имъ, и съ каждымъ днемъ онъ пріобрѣталъ для меня все большую и большую реальность. Легко вызвать духовъ, но трудно снова отослать ихъ въ тусклое ничто; они смотрятъ на насъ тогда такимъ умоляющимъ взглядомъ, и наше собственное сердце такъ страстно вступается за нихъ... Я уже не былъ въ силахъ порвать, я влюбился въ маленькую Вери черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ она умерла. Шесть

мѣсяцевъ прожилъ я такимъ образомъ въ Потсдамѣ, совершенно погруженный въ эту любовь. Еще заботливѣе, чѣмъ раньше, избѣгалъ я всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, и, если на улицѣ кто-нибудь проходилъ около меня слишкомъ близко, я испытывалъ чувство непріятнаго стѣсненія. Я питалъ глубокій страхъ передъ всякими встрѣчами, страхъ, который, быть можетъ, ощущаютъ только скитающіеся по ночамъ духи умершихъ: вѣдь про нихъ говорятъ, что они, натолкнувшись на живого человѣка, путаются не меньше, чѣмъ живые люди при встрѣчѣ съ привидѣніемъ. Случайно, какъ разъ въ это время въ Потсдамъ явился путешественникъ, отъ встрѣчи съ которымъ я не могъ уклониться, а именно мой братъ. Видя его, слушая его разсказы о текущихъ событіяхъ дня, я словно пробудился отъ сна: съ содроганіемъ ощутилъ я вдругъ, въ какомъ ужасающемъ одиночествѣ прожилъ я столько времени. Въ этомъ состояніи я не замѣчалъ даже смѣны временъ года, и съ удивленіемъ смотрѣлъ теперь на деревья, давно уже облетѣвшія, принявшія совершенно осенній видъ. Я тотчасъ оставилъ Потсдамъ и маленькую Вери, и въ другомъ городѣ, гдѣ меня ожидали важныя дѣла, я очень скоро, благодаря крайне тягостнымъ отношеніямъ и обстоятельствамъ, вновь втянулся въ муки суровой дѣйствительности.

«Милосердное небо!» продолжалъ Максиміанъ, и скорбная усмѣшка мелькнула на его губахъ, «милосердное небо! Какъ мучили меня

живыя женщины, съ которыми я тогда постоянно сталкивался; какъ нѣжно мучили онѣ меня своими капризами, вспышками ревности, непрерывнымъ напряженіемъ нервовъ! На сколькихъ балахъ я долженъ былъ вертѣться съ ними, въ какія только сплетни не былъ замѣшанъ! Какая безудержная суетность, какое упоеніе ложью, какое лобзающее предательство, какіе ядовитые цвѣты! Эти дамы сумѣли отравить мнѣ всякое наслажденіе, всякую любовь, и на нѣкоторое время я сдѣлался врагомъ женщинъ, проклиналъ весь ихъ полъ. Со мной случилось почти то же, что съ однимъ французскимъ офицеромъ, который во время русскаго похода съ трудомъ выбрался невредимымъ изъ ледяныхъ сугробовъ Березины; тамъ у него родилась такая антипатія ко всему замороженному, что онъ съ отвращеніемъ отказывался даже отъ самыхъ сладкихъ и вкусныхъ сортовъ мороженаго отъ Тортони. Да, послѣ этой Березины любви, пережитой тогда мной, я на нѣкоторое время потерялъ вкусъ къ самымъ плѣнительнымъ дамамъ, къ женщинамъ, подобнымъ ангеламъ, дѣвушкамъ сладкимъ, какъ ванильный шербетъ».

«Не браните, пожалуйста, женщинъ!» воскликнула Марія. «Все это избитыя фразы мужчинъ. Въ концѣ-концовъ, для того, чтобы быть счастливыми, вы все-таки нуждаетесь въ женщинахъ».

«О», простопалъ Максимиліанъ, «это, конечно, вѣрно. Но, къ сожалѣнію, женщины лишь однимъ способомъ умѣютъ насъ дѣлать счаст-

лившими, въ то время какъ у нихъ есть тридцать тысячъ способовъ сдѣлать насъ несчастными».

«Дорогой другъ», возразила Марія, подавивъ слегка насмѣшливую улыбку, «я говорю о гармоніи двухъ согласно настроенныхъ душъ. Развѣ вы никогда не испытывали этого счастья?.. Но я вижу необычную краску на вашихъ щекахъ... Говорите... Максъ!»

«Это правда, Марія, я чувствую себя сконфуженнымъ, почти какъ мальчишка; ибо я долженъ вамъ признаться, что зналъ счастливую любовь, что она нѣкогда доставила мнѣ безконечное блаженство! Воспоминаніе о ней и теперь еще не окончательно погасло во мнѣ, подъ его свѣжую сѣнь и теперь еще часто спасается моя душа, когда жгучая пыль и полуденный зной жизни становятся для меня невыносимыми. Я не въ состояніи, однако, дать вамъ правильное понятіе объ этой моей возлюбленной. Природа ея была настолько эфирна, что лишь во снѣ могла открыться мнѣ. Я надѣюсь, Марія, что вы не раздѣляете банальнаго предразсудка противъ сновъ; эти ночныя явленія поистинѣ не менѣе реальны, чѣмъ тѣ грубые образы дня, которые мы можемъ ощупать руками, и которые зачастую грязнятъ наши руки. Да, во снѣ видѣлъ я это дорогое существо, давшее мнѣ такое счастье, какъ ничто въ здѣшнемъ мірѣ. О ея внѣшности я могу сказать лишь немного. Я не въ состояніи съ точностью описать черты ея лица. Это было такое лицо, какого я не

видѣть никогда раньше и не разу не встрѣтилъ во всей дальнѣйшей жизни. Помню лишь, что оно не было бѣлымъ и розовымъ, но совершенно однотоннымъ, блѣдно-желтымъ, съ мягкимъ розоватымъ оттѣнкомъ и прозрачнымъ, какъ хрусталь. Прелесть этого лица не заключалась ни въ строгой соразмѣрности классической красоты, ни въ интересной подвижности; весь его характеръ выражался скорѣе въ очаровательной, восхитительной, почти пугающей правдивости. Это было лицо, полное сознательной любви и изящной доброты, это была, скорѣе, душа, чѣмъ лицо, и потому я никогда не могъ вполнѣ ясно представить себѣ его внѣшнія формы. Глаза были нѣжны, какъ цвѣты, губы нѣсколько блѣдны, но прелестно изогнуты. На ней былъ шелковый пеньюаръ васильковаго цвѣта, но въ этомъ и состояло все ея одѣяніе; шея и ноги были обнажены, и сквозь мягкую, тонкую одежду просвѣчивала порой какъ бы украдкой граціозная нѣжность членовъ. Слова, которыя мы говорили другъ другу, я также не могу уже болѣе воспроизвести съ полной опредѣленностью; я знаю только, что мы были помолвлены и что мы бесѣдовали весело и счастливо, откровенно и довѣрчиво, какъ женихъ съ невѣстой, почти какъ братъ съ сестрой. Иногда мы уже больше не говорили вовсе, а только смотрѣли другъ другу въ глаза, и въ этомъ блаженномъ созерцаніи протекали цѣлыя вѣчности. Что меня пробудило, я также не могу теперь сказать, но еще долго былъ умомъ я отголосками этого

счастья любви. Еще долго я былъ словно пьянъ несказаннымъ восторгомъ, блаженное томленіе поднималось со дна моей души, и невѣдомая мнѣ дотолѣ радость какъ бы переливалась черезъ всѣ мои ощущенія; я оставался яснымъ и свѣтлымъ, несмотря на то, что моя возлюбленная никогда уже больше не появлялась мнѣ во снѣ. Да и къ чему? Не пережилъ ли я въ одномъ ея взглядѣ цѣлой вѣчности? Кромѣ того, она слишкомъ хорошо знала меня, чтобы понять, что я не люблю повтореній».

«И въ самомъ дѣлѣ», воскликнула Марія, «вы, несомнѣнно, un homme à bonne fortune... Но скажите, мадемуазель Лорансъ была мраморной статуей или картиной? Мертвой или сновидѣніемъ?»

«Пожалуй, все это вмѣстѣ», отвѣтилъ Максимиліанъ совершенно серьезно.

«Я такъ и думала, дорогой другъ, что эта ваша возлюбленная была существомъ не отъ міра сего. А когда разскажете вы мнѣ ея исторію?»

«Завтра. Она длинна, а я сегодня усталъ. Я только что изъ оперы, и въ ушахъ у меня слишкомъ много музыки».

«Вы часто бываете теперь въ операхъ, и я думаю, Максъ, вы ходите туда больше для того, чтобы смотрѣть, нежели для того, чтобы слушать?»

«Вы не ошибаетесь, Марія, я дѣйствительно хожу въ оперу для того, чтобы разсматривать лица прекрасныхъ итальянокъ. Безспор-

но, онѣ достаточно хороши и внѣ театра: идеальность ихъ черть могла бы послужить для историка хорошимъ доказательствомъ вліянія изобразительныхъ искусствъ на физическое развитіе итальянскаго народа. Природа беретъ здѣсь у художниковъ тотъ капиталъ, который она имъ нѣкогда ссудила, и, по истинѣ, на него наросли великолѣпные проценты. Природа, доставившая нѣкогда художникамъ модели, въ свою очередь копируетъ теперь созданныя при помощи ихъ шедевры. Чувство прекраснаго стало достояніемъ всего народа, и, какъ нѣкогда тѣло на духъ, такъ вліяетъ теперь духъ на тѣло. Не остается безплоднымъ обожаніе прекрасныхъ мадоннъ, тѣхъ дивныхъ, украшающихъ храмы образовъ, которые запечатлѣваются въ душѣ жениха, въ то время, какъ невѣста отдаетъ пылъ своего сердца какому-нибудь прекрасному святому. Эти духовные союзы породили здѣсь людей, болѣе прекрасныхъ, чѣмъ та благодатная почва, на которой они живутъ, чѣмъ солнечное небо, которое окружаетъ ихъ, какъ бы золотой рамкой сіянія. Мужчины никогда особенно не интересовали меня, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые изваяны или написаны, и потому я предоставляю вамъ, Марія, весь тотъ энтузіазмъ, который могутъ возбудить эти красивые, гибкіе итальянцы, съ ихъ дико-черными бакенбардами, смѣлыми, благородными носами и мягкими, умными глазами. Говорятъ, что самые красивые мужчины, это — ломбардцы. Я никогда не изслѣдовалъ этого во-

проса, только о ломбардскихъ женщинахъ размышлялъ я достаточно серьезно. и онѣ, какъ я могъ убѣдиться, вполнѣ заслуживаютъ свою славу. Впрочемъ, должно быть, уже въ средніе вѣка онѣ были довольно красивы. Не даромъ же разсказываютъ про Франца I, что слухъ о красотѣ миланокъ былъ тѣмъ тайнымъ побужденіемъ, которое заставило его предпринять итальянскій походъ; рыцарственному королю было, конечно, интересно узнать, дѣйствительно ли такъ хороши его духовныя сестры, родственницы его воспріемниковъ. какъ объ этомъ гласила молва... Бѣдняга, въ Павіи онъ долженъ былъ дорогою цѣной искупить это любопытство!

«Но какъ прекрасны становятся эти итальянки, когда музыка освѣщаетъ ихъ лица. Я говорю· освѣщаетъ. потому что, какъ я замѣтилъ въ операѣ, дѣйствіе музыки на лица красивыхъ женщинъ совершенно похоже на тѣ эффекты свѣта и тѣней, которые изумляютъ насъ, когда мы разсматриваемъ статуи при свѣтѣ факеловъ. Эти мраморныя изображенія открываютъ намъ тогда съ ужасающей правдивостью свою внутреннюю душу. свои страшныя нѣмыя тайны. Совершенно такимъ же образомъ развертывается передъ нашими глазами вся жизнь прекрасныхъ итальянокъ, когда онѣ смотрятъ оперу, смѣняющіяся мелодіи вызываютъ тогда въ ихъ душѣ рядъ чувствъ. воспоминаній, желаній и вспышекъ досады. которыя моментально отражаются всѣ въ мимикѣ лица. въ загорающемся вдругъ румянцѣ или гнѣвной блѣдно-

сти. даже въ глазахъ. Кто умѣетъ читать, тотъ прочтетъ тогда на ихъ прекрасныхъ лицахъ очень много пріятныхъ и интересныхъ вещей; исторіи, не менѣе замѣчательныя, чѣмъ новеллы Боккаччіо, чувства, не менѣе нѣжныя, чѣмъ сонеты Петрарки, капризы, не менѣе причудливые, чѣмъ октавы Аріосто, порою также ужасное предательство и возвышенную злобу, не менѣе поэтичныя, чѣмъ адъ великаго Данте. Ради этого стоитъ понаблюдать за ложами. Если бы только мужчины не выражали въ это время своего восторга съ такимъ ужаснымъ шумомъ! Этотъ слишкомъ необузданный ревъ и трескъ въ итальянскомъ театрѣ временами меня тяготитъ. Но какъ же быть, музыка — душа этихъ людей, ихъ жизнь, ихъ національное дѣло. Конечно, и въ другихъ странахъ есть музыканты, не уступающіе величайшимъ итальянскимъ знаменитостямъ, но тамъ нѣтъ музыкальнаго народа. Здѣсь, въ Италіи, музыка не воплощается въ отдѣльныхъ личностяхъ, она живетъ въ народѣ! Музыка стала народомъ. У насъ, на сѣверѣ, это совсѣмъ иначе: у насъ музыка лишь человѣкъ и называется Моцартъ или Мейерберъ; и къ тому же, если вникнуть какъ слѣдуетъ, въ самое лучшее изъ того, что даютъ такіе сѣверные музыканты, то мы найдемъ тамъ свѣтъ итальянскаго солнца, ароматъ итальянскихъ апельсиновыхъ рощъ; они принадлежатъ Италіи, родинѣ всякой музыки, гораздо больше, чѣмъ нашей Германіи. Да, Италія навсегда останется родиной музыки, несмо-

гря на то, что эти великіе maestri рано уходятъ въ могилу или умолкаютъ, несмотря на смерть Беллини и молчаніе Россини».

«Въ самомъ дѣлѣ», замѣтила Марія, «Россини хранитъ очень строгое молчаніе. Если не ошибаюсь, онъ молчитъ вотъ уже десять лѣтъ».

«Быть можетъ, это не болѣе, чѣмъ шутка съ его стороны», отвѣтилъ Максимиліанъ. «Онъ хотѣлъ показать, что данное ему прозвище «Лебедь изъ Пезаро» совсѣмъ къ нему не подходитъ. Лебеди поютъ въ концѣ своей жизни, а Россини пересталъ пѣть въ серединѣ жизни. И мнѣ кажется, онъ поступилъ правильно, и именно этимъ доказалъ, что онъ настоящій геній. Художникъ, обладающій только талантомъ, до конца жизни сохраняетъ стремленіе упражнять этотъ талантъ, его подхлестываетъ честолюбіе, онъ чувствуетъ, что непрерывно совершенствуется, и не можетъ успокоиться, пока не достигнетъ высшаго, доступнаго ему совершенства. Геній уже свершилъ высшее, онъ доволенъ, онъ презираетъ міръ съ его мелкимъ честолюбіемъ, и отправляется домой, въ Стратфордъ, какъ Вильямъ Шекспиръ, или, какъ Іоахимъ Россини, со смѣхомъ и шутками прогуливается по бульвару des Italiens, въ Парижѣ. Если у генія хорошая физическая организація, онъ можетъ прожить такимъ образомъ еще довольно много времени послѣ того, какъ создалъ свои шедевры, или, какъ обыкновенно выражаются, послѣ того, какъ выполнилъ свою миссію. Распространенное мнѣніе, что геній долженъ уме-

реть рано, по-моему предразсудокъ: если не ошибаюсь, періодъ отъ тридцати до тридцати четырехъ лѣтъ считается самымъ опаснымъ временемъ для генія. Какъ часто дразнилъ я этимъ бѣднаго Беллини и шутя прорицалъ ему, что онъ долженъ скоро умереть, такъ какъ для него наступаетъ уже опасный возрастъ. Поразительно, что, несмотря на мой шутливый тонъ, его серьезно безпокоили эти пророчества, онъ называлъ меня своимъ jettatore и всегда открещивался... Онъ очень хотѣлъ жить, онъ чувствовалъ какое-то страстное отвращеніе къ смерти, боялся ея, какъ боится ребенокъ спать въ темной комнатѣ... Это былъ добрый, милый ребенокъ, иногда немного своенравный, но стоило только напомнить ему о его близкой смерти, и онъ становился кроткимъ, послушнымъ и двумя поднятыми вверхъ пальцами творилъ заклинаніе... Бѣдный Беллини!»

«Вы, значитъ, лично знали его? Онъ былъ красивъ?»

«Онъ былъ недуренъ. Вы видите, и мы, мужчины, не въ состояніи отвѣтить утвердительно, когда намъ задаютъ подобнаго рода вопросъ относительно кого-нибудь, принадлежащаго къ нашему полу. У него была высокая, тонкая фигура съ изящными, я сказалъ бы, кокетливыми движеніями; всегда à quatre épingles; правильное продолговатое лицо съ блѣднымъ румянцемъ; свѣтло-бѣлокурые, почти золотые волосы, завитые въ маленькіе локоны; высокій, очень высокій благородный лобъ; пря-

мой носъ: свѣтлые голубые глаза; хорошо очерченный ротъ; круглый подбородокъ. Въ чертахъ его лица было что-то неопредѣленное, безхарактерное, точно молоко, и на этомъ молочномъ лицѣ блуждало порой кисло-сладкое выраженіе печали. Это выраженіе печали на лицѣ Беллини замѣняло собою недостающую его лицу одухотворенность; но въ его печали не было глубины: она блуждала въ его взорѣ безъ поэзіи, дрожала около губъ безъ страсти. И казалось, что всей своей фигурой юный маэстро старался олицетворить эту плоскую, вялую печаль. Его волосы были подвиты въ такіе грустномечтательные локоны, его платье съ такой томностью облегало нѣжное тѣло, онъ носилъ свою камышевую тросточку такъ идиллично, что напоминалъ мнѣ всегда тѣхъ юныхъ пастушковъ, которые жеманничаютъ въ пасторальяхъ съ посошками, украшенными лентами, въ свѣтлыхъ курточкахъ и штанишкахъ. И походка его была такъ дѣвственна, такъ элегична, такъ эфирна, словно весь этотъ человѣкъ былъ только вздыхателемъ en escarpins. Онъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ, но сомнѣваюсь, чтобы ему когда-нибудь удалось внушить сильную страсть. Для меня лично въ его внѣшности было что-то непереваримо комичное: причина, быть можетъ, заключалась въ его французскомъ языкѣ. Несмотря на то, что Беллини уже нѣсколько лѣтъ жилъ во Франціи, онъ говорилъ по-французски такъ плохо, какъ говорятъ, быть можетъ, въ одной только Англіи. Строго го-

воря. я не долженъ бы былъ характеризовать его французскій разговоръ словомъ «плохо»; плохо, это въ данномъ случаѣ еще слишкомъ хорошо. Его французскій языкъ слѣдовало бы назвать ужаснымъ: это было какое-то кровосмѣсительство, какое-то крушеніе всего. Да, когда онъ былъ въ обществѣ, когда онъ, какъ палачъ, колесовалъ бѣдныя французскія слова и невозмутимо выкладывалъ свои колоссальные coq-à-l'âne, то, казалось порой, что вотъ-вотъ съ громомъ рушится міръ. Гробовая тишина воцарялась тогда въ залѣ; и краски, то блѣдныя какъ мѣлъ, то багровыя, какъ киноварь, клали на всѣ лица выраженіе смертельнаго страха: женщины не знали, падать имъ въ обморокъ или спасаться бѣгствомъ; мужчины смущенно посматривали на свои панталоны, какъ бы желая убѣдиться, дѣйствительно ли эта часть костюма на нихъ надѣта; и страшнѣе всего то, что этотъ ужасъ вызывалъ въ то же время конвульсивный смѣхъ, отъ котораго почти невозможно было удержаться. Поэтому, попадая вмѣстѣ съ Беллини въ общество, приходилось всегда испытывать нѣкоторую тревогу; въ его близости было какое-то жуткое очарованіе, которое одновременно и отталкивало и притягивало къ нему. Иногда его непроизвольные каламбуры носили только увеселительный характеръ, напоминая своимъ шутовскимъ безвкусіемъ за́мокъ одного изъ его соотечественниковъ, принца Паллагонскаго, — за́мокъ, который Гёте въ своемъ «Путешествіи въ Италію» описыва-

ет, какъ музей причудливыхъ вычурностей и безпорядочную груду всякихъ диковинъ. Такъ какъ во всѣхъ такихъ случаяхъ Беллини всегда былъ увѣренъ, что сказалъ нѣчто совершенно невинное и совершенно серьезное, то лицо его составляло тогда нелѣпѣйшій контрастъ съ его словами. И въ эти минуты особенно рѣзко выступало то, что мнѣ не нравилось въ лицѣ Беллини. Но то, что мнѣ въ немъ не нравилось, отнюдь нельзя назвать недостаткомъ, и менѣе всего, конечно, это отрицательное впечатлѣніе могли раздѣлять дамы. Въ лицѣ Беллини, какъ и во всей его наружности, была та свѣжесть, та цвѣтущая тѣлесность, та розовая краска, которая мнѣ непріятна, ибо я люблю скорѣе мертвенное и мраморное. Лишь позднѣе, уже послѣ продолжительнаго знакомства съ Беллини, почувствовалъ я къ нему нѣкоторую склонность. Эта послѣдняя возникла, когда я замѣтилъ, что его характеръ полонъ благородства и доброты. Душа его, несомнѣнно, осталась чистой и незапятнанной всѣми отвратительными соприкосновеніями съ жизнью. Было въ немъ и то наивное добродушіе, то дѣтское, что есть у всѣхъ геніальныхъ людей, хотя и не передъ каждымъ они его раскрываютъ.

«Да, я припоминаю», продолжалъ Максимиліанъ, опускаясь въ кресло, прислонившись къ спинкѣ котораго онъ до сихъ поръ стоялъ. «я припоминаю одно мгновеніе, когда Беллини явился мнѣ въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, что мнѣ радостно было смотрѣть на него, и то-

гда-то я рѣшилъ поближе сойтись съ нимъ. Къ сожалѣнію, это было послѣднимъ нашимъ свиданіемъ въ этой жизни. Дѣло происходило вечеромъ, послѣ того, какъ въ домѣ одной великосвѣтской дамы, имѣвшей самую маленькую ножку во всемъ Парижѣ, мы пообѣдали; очень веселились, и за фортепіано раздавались самыя сладкія мелодіи... Я какъ сейчасъ вижу его, этого добраго Беллини; уставъ отъ безчисленныхъ сумасшедшихъ беллинизмовъ, которые онъ нагородилъ, онъ присѣлъ на кресло... Кресло было очень низко, почти какъ скамеечка, такъ что Беллини очутился словно у ногъ одной красавицы, которая развалилась на софѣ и съ прелестнымъ злорадствомъ смотрѣла на него сверху внизъ, въ то время какъ онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы занять ее на французскомъ діалектѣ и поминутно долженъ былъ комментировать себя на своемъ сицилійскомъ жаргонѣ, чтобы доказать, что онъ сказалъ не глупость, а, наоборотъ, самый утонченный комплиментъ. Мнѣ кажется, что прекрасная дама вовсе даже и не слушала фразъ Беллини; она взяла у него изъ рукъ камышевую тросточку, жестикулируя которой онъ временами пытался притти на помощь своей слабой риторикѣ, и воспользовалась ей для того, чтобы совершенно спокойно разрушить изящныя сооруженія изъ локоновъ на обихъ вискахъ юнаго маэстро. Къ этому шаловливому занятію относилась, по всей вѣроятности, улыбка, придававшая ея чертамъ такое выраженіе, котораго я никогда не видалъ на лицѣ живыхъ

людей. Никогда это лицо не изгладится изъ моей памяти! Это было одно изъ тѣхъ лицъ, видя которыя, трудно повѣрить, что они принадлежатъ суровой дѣйствительности, а не царству поэтическихъ сновъ; контуры, напоминающіе да-Винчи, этотъ благородный овалъ съ наивными ямочками на щекахъ и сантиментально заостреннымъ подбородкомъ ломбардской школы. Колоритъ отличался скорѣе римской нѣжностью: матовый жемчужный блескъ, благородная болѣзненная блѣдность, morbidezza. Однимъ словомъ, это было одно изъ лицъ, встрѣчающихся лишь на старыхъ итальянскихъ портретахъ, гдѣ изображены дамы, въ которыхъ были влюблены итальянскіе художники пестнадцатаго вѣка, когда создавали свои шедевры.—дамы, о которыхъ думали поэты того времени, когда, слагая свои пѣсни, становились безсмертными, и къ которымъ стремились нѣмецкіе и французскіе герои войны, опоясывая себя мечомъ... Да, да, это было одно изъ такихъ лицъ, и улыбка, полная самаго очаровательнаго злорадства и язвящаго своенравія, оживляла его, въ то время какъ красавица кончикомъ камышевой трости разрушала сооруженіе изъ бѣлокурыхъ локоновъ на головѣ добраго Беллини. Въ это мгновеніе Беллини предсталъ передо мной словно преображеннымъ отъ прикосновенія волшебной палочки: я сразу почувствовалъ въ немъ что-то дружественное, что-то родственное моему сердцу. Лицо его сіяло отсвѣтомъ этой улыбки; это былъ, быть можетъ, моментъ наивысшаго расцвѣта въ

его жизни... Я никогда его не забуду. Двѣ недѣли спустя я узналъ изъ газетъ, что Италія лишилась одного изъ славнѣйшихъ своихъ сыновъ!

«Странно! Въ то же время появилось извѣстіе о смерти Паганини. Въ смерти этого послѣдняго я не сомнѣвался ни минуты; старый, увядшій Паганини всегда выглядѣлъ, какъ умирающій; но смерть юнаго, розоваго Беллини казалась мнѣ невѣроятной. И однако, сообщеніе о смерти перваго оказалось лишь газетной уткой, — Паганини и по сіе время живъ и здравствуетъ въ Генуѣ,—а Беллини лежитъ въ могилѣ въ Парижѣ!»

«Вы любите Паганини?» спросила Марія.

«Этотъ человѣкъ», отвѣтилъ Максимиліанъ, «украшеніе своей родины и безспорно заслуживаетъ самаго лестнаго отзыва, когда перечисляются музыкальныя знаменитости Италіи».

«Я никогда его не видала», замѣтила Марія, «но если вѣрить молвѣ, его внѣшность не способна вполнѣ удовлетворить чувство прекраснаго. Я видѣла его портреты...»

«Которые всѣ не похожи», вставилъ Максимиліанъ; «они изображаютъ его или хуже, или лучше, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ, но никогда не передаютъ его дѣйствительнаго облика. Мнѣ кажется, только одному единственному человѣку удалось перенести на бумагу подлинную физіономію Паганини; это — глухой художникъ по имени Лизеръ, который въ порывѣ вдохновеннаго безумія нѣсколькими взмахами карандаша такъ хорошо уловилъ черты Паганини,

что не знаешь, смѣяться или пугаться правдивости его рисунка. «Дьяволъ водилъ моей рукой», сказалъ мнѣ глухой художникъ съ таинственнымъ хихиканьемъ и благодушно ироническимъ кивкомъ головы, которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе сопровождать свои геніальныя проказы. Этотъ художникъ былъ удивительный чудакъ: несмотря на свою глухоту, онъ восторженно любилъ музыку и, говорятъ, что, когда онъ находился достаточно близко отъ оркестра, онъ умѣлъ читать музыку на лицѣ музыкантовъ и судить по движенію ихъ пальцевъ о болѣе или менѣе удачномъ выполненіи; онъ былъ также опернымъ критикомъ въ одномъ почтенномъ гамбургскомъ журналѣ. Впрочемъ, чему же тутъ удивляться? Движенія музыканта—видимые знаки, въ которыхъ глухой художникъ умѣлъ созерцать звуки. Вѣдь для нѣкоторыхъ людей сами звуки—только невидимые знаки, въ которыхъ они слышатъ краски и образы.

«И вы одинъ изъ такихъ людей!» воскликнула Марія.

«Мнѣ жаль, что у меня нѣтъ больше маленькаго рисунка Лизера; онъ далъ бы вамъ нѣкоторое представленіе о наружности Паганини. Только грубо-черными, бѣглыми штрихами могли быть схвачены фантастическія черты этого лица, которое кажется принадлежащимъ скорѣе къ смрадному царству тѣней, нежели къ солнечному міру жизни. «По-истинѣ, самъ дьяволъ водилъ моею рукой», увѣрялъ меня глухой художникъ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ

стояли въ Альтерекомъ павильонѣ въ Гамбургѣ, гдѣ Паганини долженъ былъ дать свой первый концертъ. «Да, мой другъ», продолжалъ онъ, «справедливо говорятъ про него всѣ, что онъ продался чорту, продалъ ему и душу, и тѣло, чтобы стать лучшимъ скрипачемъ, собрать милліоны и, прежде всего для того, чтобы вырваться съ той проклятой галеры, на которой онъ уже томился много лѣтъ. Видите ли, другъ мой, когда онъ былъ капельмейстеромъ въ Луккѣ, онъ влюбился въ одну театральную диву, приревновалъ ее къ какому-то аббатику, быть можетъ, былъ coco, по доброму итальянскому обычаю закололъ свою невѣрную amata, попалъ въ Генуѣ на галеру и, какъ я уже сказалъ, продалъ себя, наконецъ, чорту, чтобы вырваться на волю, чтобы стать лучшимъ въ мірѣ скрипачемъ и получить возможность обложить нынѣшнимъ вечеромъ каждаго изъ насъ контрибуціей въ два талера... Но смотрите-ка! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Вонъ по той аллеѣ идетъ онъ самъ въ сопровожденіи своего двусмысленнаго famulo!»

«И въ самомъ дѣлѣ, это былъ самъ Паганини. Онъ носилъ темно-сѣрый сюртукъ, спускавшійся ему до пятъ, благодаря чему фигура его казалась очень высокой. Длинные черные волосы спутанными кудрями ниспадали на его плечи и образовывали словно темную рамку вокругъ блѣднаго мертвеннаго лица, на которомъ горе, геній и адъ запечатлѣли свои неизгладимые знаки. Рядомъ съ нимъ шелъ, прихля-

сывая, низенькій, благодушнаго, до смѣшного прозаическій человѣчекъ: съ розовымъ морщинистымъ лицомъ, въ свѣтло-сѣромъ сюртучкѣ со стальными пуговицами; онъ разсылалъ на всѣ стороны невыносимо любезныя привѣтствія и въ то же время съ озабоченно боязливымъ видомъ искоса взглядывалъ на высокую мрачную фигуру, серьезно и задумчиво шествовавшую рядомъ съ нимъ. Можно было подумать, что видишь передъ собой картину Речша, изображающую Фауста и Вагнера на прогулкѣ передъ воротами Лейпцига. Глухой художникъ комментировалъ мнѣ обѣ фигуры въ своемъ обычномъ шутовскомъ стилѣ и обратилъ мое особенное вниманіе на размѣренную, широкую походку Паганини. «Не кажется ли вамъ», сказалъ онъ, «что онъ все еще носитъ желѣзныя колодки на ногахъ? Разъ навсегда усвоилъ онъ себѣ эту походку. Посмотрите также, съ какой презрительной ироніей посматриваетъ онъ порой на своего спутника, когда тотъ слишкомъ надоѣдаетъ ему своими прозаическими вопросами; но онъ не можетъ обойтись безъ него, кровавый договоръ соединяетъ его съ этимъ слугою, который есть не кто иной, какъ самъ сатана. Несвѣдущая публика думаетъ, правда, что этотъ спутникъ — сочинитель комедій и анекдотовъ, Гаррисъ изъ Ганновера, котораго Паганини взялъ съ собою въ турнэ для завѣдыванія денежной стороной своихъ концертовъ. Публика не знаетъ, что чортъ позаимствовалъ у господина Георга Гарриса только его наружность, тогда какъ бѣд-

ная душа этого бѣднаго человѣка вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ должна все это время храниться въ Ганноверѣ въ сундукѣ до тѣхъ поръ, пока чортъ не возвратитъ ей ея тѣлесной оболочки и не предпочтетъ сопровождать маэстро Паганини въ его странствованіи по свѣту въ какомъ-либо болѣе достойномъ образѣ,—напримѣръ, въ видѣ чернаго пуделя».

«Если уже въ яркій полдень, подъ зеленой листвой аллеи гамбургскаго Юнгферштига, Паганини произвелъ на меня впечатлѣніе чего-то призрачно-фантастическаго, то какъ же должна была поразить меня его зловѣще-странная наружность вечеромъ на концертѣ. Концертъ давался въ Гамбургскомъ театрѣ комедій, и любящая искусство публика уже спозаранку набилась туда въ такомъ количествѣ, что я съ трудомъ раздобылъ себѣ мѣстечко у оркестра. Хотя день былъ почтовый, тѣмъ не менѣе въ первыхъ ложахъ присутствовали всѣ просвѣщенные представители торговаго міра, весь Олимпъ банкировъ и прочихъ милліонеровъ, боговъ кофе и сахара, рядомъ съ ихъ толстыми богинями-супругами, Юнонами съ Wandrahm'а и Афродитами съ Dreckwall'я. Религіозная тишина царствовала во всемъ залѣ. Всѣ глаза были устремлены на сцену. Всѣ уши приготовились слушать. Мой сосѣдъ, старый мѣховщикъ, вынулъ грязную вату изъ своихъ ушей, чтобы лучше впитать въ себя драгоцѣнные звуки, стоившіе ему два талера. Наконецъ, на эстрадѣ появилась темная фигура, которая, казалось, только что вышла

изъ подземнаго царства. Это былъ Паганини въ своемъ черномъ парадномъ облаченіи: въ черномъ фракѣ и черномъ жилетѣ ужаснаго покроя, предписываемаго, быть можетъ, адскимъ этикетомъ при дворѣ Прозерпины; черныя панталоны робко болтались вокругъ его тощихъ ногъ. Длинныя руки казались еще длиннѣе, когда онъ, держа въ одной рукѣ скрипку, въ другой опущенный книзу смычокъ, и почти касаясь имъ земли, отвѣшивалъ передъ публикой свои невѣроятные поклоны. Въ угловатыхъ изгибахъ его тѣла была какая-то жуткая деревянность и въ то же время что-то идіотски-животное, такъ что при видѣ его поклоновъ къ горлу подступалъ неудержимый позывъ къ смѣху; но его лицо, казавшееся при яркомъ освѣщеніи лампъ оркестра еще болѣе мертвеннымъ и блѣднымъ, принимало при этомъ выраженіе такой мольбы, такой тупой покорности, что смѣхъ подавлялся какимъ-то ужаснымъ состраданіемъ. У кого обучился онъ этимъ любезнымъ тѣлодвиженіямъ: у автомата или у собаки? И что это, умоляющій взглядъ смертельно больного, или за нимъ скрывается насмѣшка хитраго скряги? Живой человѣкъ, готовый испустить духъ, старается позабавить здѣсь публику на театральной аренѣ своими судорогами, какъ умирающій гладіаторъ? Или это мертвецъ, вставшій изъ гроба, вампиръ со скрипкой хочетъ высосать если не кровь изъ нашего сердца, то, во всякомъ случаѣ, деньги изъ нашего кошелька?

Такіе вопросы возникали въ головѣ, пока Паганини неустанно разсыпалъ на всѣ стороны свои безкопечные поклоны; но всѣ эти мысли сразу оборвались, когда этотъ изумительный мастеръ приставилъ свою скрипку къ подбородку и началъ играть. Что касается меня... вѣдь вы знаете мое второе музыкальное зрѣніе, мою способность при каждомъ тонѣ, который я слышу, въ то же время видѣть соотвѣтственную звуковую фигуру; каждымъ ударомъ своего смычка Паганини вызывалъ передъ моими глазами также зрительные образы и положенія, на языкѣ звучащихъ картинъ разсказывалъ онъ мнѣ пѣлый рядъ яркихъ происшествій, словно игра цвѣтныхъ тѣней развертывалась передо мною, но самъ онъ со своею скрипкой неизмѣнно оставался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Уже при первомъ ударѣ его смычка кулисы, окружавшія его, измѣнились; онъ со своимъ нотнымъ пюпитромъ внезапно очутился въ привѣтливой свѣтлой комнатѣ, безпорядочно-весело убранной вычурной мебелью въ стилѣ Помпадуръ; вездѣ маленькія зеркала, позолоченные амурчики, китайскій фарфоръ, очаровательный хаосъ лентъ, цвѣточныхъ гирляндъ, бѣлыхъ перчатокъ, разорванныхъ кружевъ, фальшивыхъ жемчужинъ, золотыхъ діадемъ и прочей мишуры, переполняющей обыкновенно будуаръ примадонны. Внѣшность Паганини также перемѣнилась, и при томъ въ самомъ выгодномъ для него смыслѣ; на немъ были надѣты короткія панталоны изъ лиловаго атласа, вышитый серебромъ бѣлый жилетъ, курт-

ка изъ свѣтло-голубого бархата съ позолоченными пуговицами, и старательно завитые въ маленькіе локоны волосы обрамляли его лицо, совсѣмъ молодое, цвѣтущее, розовое, сіявшее необычайной нѣжностью, когда онъ обращалъ свой взглядъ на хорошенькую дамочку, стоявшую рядомъ съ нимъ у пюпитра, въ то время какъ онъ игралъ на своей скрипкѣ.

«И въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ нимъ я увидѣлъ хорошенькое юное созданіе, старомодно одѣтое; бѣлый атласъ раздувался кринолиномъ ниже бедеръ, но тѣмъ очаровательнѣе обрисовывалась тонкая талія; напудренные и завитые волосы были высоко зачесаны, но тѣмъ ярче сіяло хорошенькое, круглое личико со своими блестящими глазками, нарумяненными щечками, мушками и задорнымъ миленькимъ носикомъ. Въ рукѣ она держала свертокъ бумаги, и какъ по движенію ея губъ, такъ и по кокетливому покачиванію туда и сюда верхней части ея фигурки можно было заключить, что она поетъ; но ухомъ нельзя было уловить ни одной изъ ея трелей, и только по звукамъ скрипки, которыми молодой Паганини аккомпанировалъ этой прелестной крошкѣ, могъ я угадать, что́ именно она пѣла и что́ переживалъ онъ самъ во время ея пѣнія. О, это были мелодіи, подобныя рокоту соловья въ сумеркахъ вечера, когда ароматъ розы наполняетъ томленіемъ его сердце, зачуявшее весну! О, это было тающее, сладострастно изнемогающее блаженство! Это были звуки, которые цѣловались, затѣмъ

какъ бы въ досадѣ убѣгали другъ отъ друга, и, наконецъ, со смѣхомъ снова сливались и замирали въ этомъ полномъ опьяненія объятіи. Да, звуки вели веселую игру, какъ бабочки, когда одна изъ нихъ, дразня другую, увертывается, прячется за цвѣтокъ и, наконецъ, бываетъ настигнута, а потомъ уже обѣ вмѣстѣ, легкомысленно счастливыя, копошатся въ золотыхъ лучахъ солнца. Но паукъ, паукъ можетъ внезапно положить трагическій конецъ веселью такихъ влюбленныхъ бабочекъ. Закралось ли тяжелое предчувствіе въ юное сердце? Скорбный, стенящій звукъ, какъ предвѣстникъ надвигающейся бѣды, тихо проскользнулъ среди восторженныхъ мелодій, которыя излучала скрипка Паганини... Его глаза стали влажны... молитвенно склоняется онъ на колѣна передъ своею amata... Но, ахъ! Нагнувшись, чтобы расцѣловать ея ножки, онъ замѣтилъ подъ кроватью маленькаго аббата! Я не знаю, что могъ онъ имѣть противъ этого бѣдняги, но генуэзецъ поблѣднѣлъ, какъ смерть; онъ схватываетъ маленькаго человѣчка своими яростными руками, награждаетъ его обильными пощечинами и немалымъ числомъ пинковъ ногою и выкидываетъ за дверь: затѣмъ онъ вытаскиваетъ изъ кармана свой длинный стилетъ и вонзаетъ его въ грудь юной красавицы...

«Въ этотъ моментъ со всѣхъ сторонъ раздалось: «Браво! браво!» Восхищенные мужчины и женщины Гамбурга выражали свое шумливое одобреніе великому мастеру, который

только что закончилъ первое отдѣленіе своего концерта и кланялся, еще сильнѣе и угловатѣе перегибаясь, чѣмъ раньше. И, казалось мнѣ, лицо его визжало еще болѣе униженной мольбой, чѣмъ раньше. Въ его глазахъ застыла жуткая тревога, какъ у жалкаго преступника.

«Божественно», воскликнулъ мой сосѣдъ, мѣховщикъ, ковыряя въ ушахъ, «одна эта вещь стоитъ двухъ талеровъ».

«Когда Паганини снова началъ играть, жуткій мракъ всталъ передъ моими глазами. Звуки уже не превращались болѣе въ свѣтлые образы и краски; наоборотъ, даже фигуру самого артиста закутали густыя тѣни, изъ мрака которыхъ пронзительными, жалобными воплями вырывалась его музыка. Лишь изрѣдка, когда висѣвшая надъ нимъ маленькая лампа бросала на него свой скудный свѣтъ, могъ я разглядѣть его поблѣднѣвшее лицо, на которомъ однако еще не вполнѣ изгладилась печать молодости. Странно выглядѣла его одежда, двуцвѣтная, желтая съ одной, красная съ другой стороны; ноги его были закованы въ тяжелыя цѣпи. Сзади него шевелилась фигура, въ физіономіи которой было что-то веселое, козлиное, а длинныя волосатыя руки, повидимому, также принадлежавшія ей, временами касались, услужливо помогая артисту, струнъ его скрипки. Иногда онѣ водили его рукой, державшей смычокъ, и тогда блеющій смѣхъ одобренія сопровождалъ истекавшіе изъ скрипки звуки, все болѣе и болѣе страдальческіе, все болѣе кровавые. Эти

звуки были какъ пѣснь падшихъ ангеловъ, согрѣшившихъ съ дочерями земли, изгнанныхъ изъ царства блаженныхъ и съ пылающими отъ позора лицами сошедшихъ въ преисподнюю. Это были звуки, въ бездонной глубинѣ которыхъ не теплилось ни надежды, ни утѣшенія. Когда такіе звуки слышатъ святые на небесахъ, славословія Богу замираютъ на ихъ блѣднѣющихъ губахъ, и съ плачемъ покрываютъ они свои благочестивыя головы! Порою, когда къ этой музыкѣ мукъ и страданій примѣшивалось неизбѣжное блеяніе козлинаго смѣха, я замѣчалъ на заднемъ планѣ множество маленькихъ женскихъ фигуръ, которыя со злобной веселостью кивали своими безобразными головами, злорадно кривлялись и гримасничали. Изъ скрипки вырывались тогда стоны, полные такой безнадежной тоски, такіе ужасающіе вопли и рыданія, какіе никогда еще не оглашали землю, и, по всей вѣроятности, никогда снова не огласятъ ее, развѣ только въ долинѣ Іосафата, въ день страшнаго суда, когда зазвучатъ колоссальныя трубы архангеловъ, и голые мертвецы выползутъ изъ могилъ въ ожиданіи своей участи... Но измученный скрипачъ вдругъ ударилъ по струнамъ съ такою силой, съ такимъ безумнымъ отчаяніемъ, что цѣпи со звономъ распались, а его зловѣщій помощникъ вмѣстѣ съ кривляющимися вѣдьмами исчезли.

«Въ этотъ моментъ мой сосѣдъ, мѣховщикъ, произнесъ: «Жаль, жаль! У него лопнула струна, это отъ постояннаго pizzicato!»

«Порвалась ли дѣйствительно струна на скрипкѣ? Я этого не знаю. Я замѣтилъ лишь, что иной характеръ пріобрѣли звуки, и вмѣстѣ съ тѣмъ внезапно измѣнились опять самъ Паганини и окружающая его обстановка. Я едва могъ узнать его въ коричневой монашеской рясѣ, которая скорѣе скрывала, чѣмъ одѣвала его. Съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ на лицѣ, наполовину скрытымъ подъ капюшономъ, опоясаннымъ веревкой, босой, одинокій и гордый, стоялъ Паганини на вдающейся въ море скалѣ и игралъ на скрипкѣ. Происходило это, какъ мнѣ казалось, въ сумерки, красные отсвѣты вечера ложились на широкія морскія волны, которыя окрашивались все краснѣе и шумѣли все торжественнѣе въ таинственномъ созвучіи, съ мелодіями скрипки. Но чѣмъ краснѣе становилось море, тѣмъ сильнѣе блѣднѣло небо, и, когда, наконецъ, бурныя воды превратились въ ярко-пурпурную кровь, тогда небо стало призрачно-свѣтлымъ, мертвенно-бѣлымъ, и угрожающе выступили на немъ крупныя звѣзды... и эти звѣзды были черны, черны, какъ куски блестящаго каменнаго угля. Но все порывистѣе и смѣлѣе становились звуки скрипки, въ глазахъ ужаснаго артиста сверкала такая вызывающе-насмѣшливая жажда разрушенія, его тонкія губы шевелились съ такой зловѣщей торопливостью, что, казалось, онъ бормочетъ тѣ древнія, безбожныя заклинанія, которыми вызывается буря, и освобождаются отъ оковъ злые духи, томящіеся въ заключеніи въ пучинахъ морскихъ.

Порою, когда онъ простиралъ изъ широкаго монашескаго рукава свою длинную, худую, голую руку и размахивалъ смычкомъ въ воздухѣ, онъ казался воистину чародѣемъ, повелѣвающимъ стихіями при помощи своей волшебной палочки, и тогда безумный ревъ несся изъ морскихъ глубинъ, кровавыя волны, объятыя ужасомъ, вздымались вверхъ съ такою силой, что почти достигали блѣднаго небеснаго купола и словно обрызгивали своею красною пѣной его черныя звѣзды. Кругомъ ревѣло, трещало, грохотало, какъ будто рушилась вселенная, и все настойчивѣе игралъ монахъ на своей скрипкѣ. Мощнымъ усиліемъ своей безумной воли онъ хотѣлъ сломать семь печатей, наложенныхъ Соломономъ на желѣзные сосуды, въ которые онъ заключилъ побѣжденныхъ имъ демоновъ. Сосуды эти мудрый царь бросилъ въ море, и мнѣ чудилось, что я слышу голоса заключенныхъ въ нихъ духовъ, когда скрипка Паганини гремѣла своими самыми гнѣвными басовыми звуками. Наконецъ, мнѣ послышались словно ликующіе крики освобожденія, и изъ красныхъ кровавыхъ волнъ стали подыматься головы освобожденныхъ демоновъ: чудовища сказочно-безобразныя, крокодилы съ крыльями летучей мыши, змѣи съ оленьими рогами, обезьяны, у которыхъ головы были покрыты раковинами, тюлени съ патріархально длинными бородами, женскія лица съ грудями вмѣсто щекъ, зеленыя верблюжьи головы, ублюдки самыхъ невообразимыхъ помѣсей, — всѣ пялили свои холодные,

умные глаза на играющаго на скрипкѣ монаха, всѣ простирали къ нему свои длинныя лапы-плавники... А у монаха, охваченнаго безумной горячкой заклинаній, свалился капюшонъ, и волнистые волосы, разметавшись по вѣтру, словно черныя змѣи, кольцами окружали его голову.

«Это было настолько умопомрачительное зрѣлище, что я, чтобы не потерять разсудка, заткнулъ уши и закрылъ глаза. Привидѣніе тотчасъ исчезло, и, когда я снова взглянулъ, я увидѣлъ бѣднаго генуэзца въ его обычномъ видѣ, отвѣшивающимъ свои обычные поклоны, въ то время, какъ публика восторженно аплодировала.

Такъ вотъ она, знаменитая игра на басовой струнѣ», замѣтилъ мой сосѣдъ: «я самъ поигрываю на скрипкѣ и знаю, чего стоитъ такъ овладѣть этимъ инструментомъ». Къ счастью, пауза была непродолжительна, иначе этотъ музыкальный мѣховщикъ втянулъ бы меня въ длинный разговоръ объ искусствѣ. Паганини снова спокойно приставилъ скрипку къ подбородку, и съ первымъ же ударомъ смычка звуки ея снова претерпѣли изумительное превращеніе. Но только это послѣднее не воплощалось теперь въ такія рѣзко-красочныя и тѣлесно-осязательныя формы. Звуки развертывались спокойно, величественно вздымаясь и вырастая, какъ хоралъ на органѣ собора; и все кругомъ раздвигалось вширь и ввысь, образуя колоссальное пространство, которое охватить не могъ тѣлесный глазъ, доступное лишь духовному

взору. Въ серединѣ этого пространства носился свѣтящійся шаръ, на которомъ стоялъ гигантскій, величественно-гордый человѣкъ и игралъ на скрипкѣ. Что это былъ за шаръ? Солнце? Я не знаю. Въ человѣкѣ же я узналъ черты Паганини, но только идеализированныя, небесно-проясненныя, съ улыбкой, полной примиренности. Его тѣло цвѣло мужественной силой, свѣтло-голубая одежда облекала облагороженные члены, но плечамъ ниспадали блестящими локонами черные волосы. И незыблемо, увѣренно стоялъ онъ со своею скрипкой, какъ великій образъ божества, и, казалось, все мірозданіе повинуется его звукамъ. Это былъ человѣкъ-планета; вокругъ него вращалась вселенная съ размѣренной торжественностью, звучащая божественными ритмами. Что такое были эти большія свѣтила, которыя плыли вокругъ него, спокойно сіяя? Небесныя звѣзды? И что означала гармонія звуковъ, которая зарождалась изъ ихъ движенія? Не былъ ли это тотъ хоръ сферъ, о дивной красотѣ котораго столько вѣщали намъ поэты и ясновидцы? Порою, когда я напряженно вглядывался въ туманную даль, мнѣ казалось, что я вижу одни только бѣлыя, колеблющіяся одежды, закутавшись въ которыя шествовали пилигримы-великаны, съ бѣлыми посохами въ рукахъ, и —странно!— золотые набалдашники ихъ посоховъ и были тѣми большими свѣтилами, которыя я принялъ за звѣзды. Широкимъ кругомъ двигались пилигримы вокругъ великаго артиста, и отъ звуковъ его скрипки

все ярче сіяли золотые набалдашники ихъ посоховъ, и слетавшіе съ ихъ устъ хоралы, которые я принялъ за хоръ сферъ, были лишь замирающимъ эхо этихъ звуковъ скрипки. Страстное, несказанное благочестіе горѣло въ этихъ звукахъ, которые иногда едва слышно трепетали, какъ таинственный шопотъ водъ, затѣмъ снова жутко и сладко наростали, подобно призывамъ охотничьяго рога въ лунную ночь, и, наконецъ, гремѣли съ безудержнымъ ликованіемъ, словно тысячи бардовъ ударяли по струнамъ своихъ арфъ и сливали свои голоса въ одну побѣдную пѣснь. Это были звуки, которыхъ никогда не можетъ уловить ухо, о которыхъ можетъ лишь грезить сердце, когда оно ночью покоится рядомъ съ сердцемъ возлюбленной. Быть можетъ, впрочемъ, сердце въ состояніи постигнуть ихъ и въ яркій солнечный день, когда оно, ликуя, погружается въ созерцаніе прекрасныхъ линій и оваловъ въ твореніяхъ греческаго искусства...»

«Или, когда выпита лишняя бутылка шампанскаго!» послышался вдругъ смѣющійся голосъ и, словно отъ сна, пробудилъ нашего разсказчика. Оглянувшись, онъ замѣтилъ доктора, который въ сопровожденіи черной Деборы тихо вошелъ въ комнату, чтобы посмотрѣть, какъ подѣйствовало на больную его лекарство.

«Этотъ сонъ мнѣ не нравится», произнесъ докторъ, указавъ на софу.

Максимиліанъ, который, погрузившись въ фантастическіе образы собственныхъ рѣчей, не за-

мѣтилъ, что Марія давно уже спитъ, съ досадою закусилъ губы.

«Этотъ сонъ», продолжалъ докторъ, «придастъ ея лицу мертвенный видъ. Не правда ли, что оно похоже сейчасъ на тѣ бѣлыя маски, тѣ гипсовые слѣпки, которые мы заказываемъ, чтобы сохранить для себя черты умершихъ?»

«Я хотѣлъ бы», прошепталъ ему на ухо Максиміліанъ, «сдѣлать такой слѣпокъ съ лица нашей пріятельницы. Она и мертвая будетъ очень хороша».

«Этого я вамъ не совѣтую», возразилъ докторъ. «Такія маски отравляютъ намъ воспоминаніе о тѣхъ, кого мы любили. Намъ все кажется, что въ этомъ гипсѣ сохраняется еще что-то отъ ихъ жизни, тогда какъ въ дѣйствительности то, что тамъ запечатлѣно, есть сама смерть. Правильныя и красивыя черты лица пріобрѣтаютъ при этомъ какое-то жутко-застывшее, надменное, роковое выраженіе, благодаря чему онѣ насъ больше пугаютъ, чѣмъ радуютъ. Но настоящими каррикатурами являются гипсовые слѣпки съ лицъ, привлекательность которыхъ носила болѣе духовный, чѣмъ тѣлесный характеръ, черты которыхъ были не столько правильны, сколько интересны; ибо, какъ только отлетаютъ граціи жизни, дѣйствительныя уклоненія отъ идеальныхъ линій красоты не восполняются уже болѣе духовной привлекательностью. Но всѣмъ этимъ гипсовымъ лицамъ, каковы бы они ни были, свойственно какое-то загадочное выраженіе, которое при долгомъ раз-

сматриваніи пронизываетъ нашу душу нестерпимымъ холодомъ; точно это—лица людей, собирающихся отправиться въ тяжелый путь».

«Куда?» спросилъ Максимиліанъ, въ то время какъ докторъ, взявъ его подъ руку, увелъ его изъ комнаты.

НОЧЬ ВТОРАЯ.

«И къ чему мучить меня этимъ гадкимъ лекарствомъ,—вѣдь я все равно скоро умру!..»

Эти слова произнесла Марія какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Максиміліанъ входилъ въ комнату. Передъ ней стоялъ врачъ, держа въ одной рукѣ аптечную стклянку, а въ другой—маленькую рюмку, въ которой отвратительно пѣнилось какое-то буроватое снадобье. «Дражайшій другъ», воскликнулъ врачъ, обращаясь къ только что вошедшему. «Вы явились сюда какъ нельзя болѣе кстати. Уговорите же синьору проглотить эти нѣсколько капель: я спѣшу».

«Я прошу васъ, Марія!» прошепталъ Максиміліанъ тѣмъ мягкимъ голосомъ, который не часто у него появлялся и въ которомъ слышалась такая сердечная боль, что больная, необычайно тронутая, почти забывая о собственныхъ страданіяхъ, взяла въ руку рюмку; но, прежде чѣмъ поднести ее ко рту, она сказала, усмѣхаясь: «Не правда ли, въ награду вы мнѣ разскажете исторію Лауренціи?»

«Я исполню все, что вы хотите», кивнулъ Максиміліанъ.

Блѣдная женщина тотчасъ выпила содержимое рюмки съ улыбкой, смѣшанной съ содроганіемъ.

«Я снѣшу», сказалъ врачъ, надѣвая свои черныя перчатки. «Прилягте опять, синьора, и лежите совершенно спокойно, шевелитесь какъ можно меньше. Я снѣшу».

Въ сопровожденіи черной Деборы, вышедшей ему посвѣтить, врачъ оставилъ комнату. Оставшись наединѣ, друзья долгое время молча смотрѣли другъ на друга. Въ душѣ каждаго поднимались тѣ же самыя мысли, и каждому хотѣлось ихъ утаить отъ другого. Внезапно женщина схватила руку Максимиліана и покрыла ее жгучими поцѣлуями.

«Ради Бога», сказалъ Максимиліанъ. «не дѣлайте такихъ рѣзкихъ движеній и ложитесь опять спокойно на свою софу».

Когда Марія исполнила эту просьбу, онъ заботливо прикрылъ ея ноги шалью, предварительно прикоснувшись къ этой шали губами. Движеніе это, повидимому, не ускользнуло отъ Маріи, глаза ея радостно блеснули, какъ у счастливаго ребенка.

«Что же, мадемуазель Лауренція была очень красива?»

«Если вы не будете меня прерывать, моя дорогая, и дадите обѣщаніе слушать совсѣмъ тихо и спокойно, то я самымъ обстоятельнымъ образомъ разскажу вамъ все, что вы желаете».

Привѣтливо улыбнувшись въ отвѣтъ на утвердительный взглядъ Маріи, Максимиліанъ при-

сѣлъ на стулъ передъ софой и такъ началъ свой разсказъ:

«Восемь лѣтъ тому назадъ я отправился въ Лондонъ, чтобы познакомиться съ англичанами и ихъ языкомъ. Чортъ бы побралъ этотъ народъ вмѣстѣ съ ихъ языкомъ! Они набиваютъ себѣ ротъ дюжиной односложныхъ словъ, грызутъ ихъ, жуютъ, затѣмъ снова выплевываютъ, и это называется у нихъ говорить. Къ счастью, по природѣ они довольно молчаливы, и, хотя они глазѣютъ на насъ, разинувъ ротъ, длинными разговорами они насъ не обременяютъ. Но бѣда намъ, если мы попадемся въ руки сыну Альбіона, который совершилъ большое путешествіе и обучился на континентѣ французскому языку. Этотъ ужъ не упуститъ случая поупражняться въ изученномъ языкѣ, онъ засыплетъ васъ вопросами о всевозможныхъ вещахъ, и едва вы отвѣтите на одинъ вопросъ, какъ уже готовъ другой о вашемъ возрастѣ, о вашей родинѣ, о продолжительности вашего пребыванія за границей, при чемъ онъ искренно убѣжденъ, что наилучшимъ образомъ занимаетъ васъ этимъ неустаннымъ допросомъ. Одинъ изъ моихъ парижскихъ друзей былъ, быть можетъ, правъ, утверждая, что англичане обучаются французскимъ разговорамъ въ Bureau des passeports. Всего полезнѣе ихъ бесѣда за столомъ, когда они разсѣкаютъ свои колоссальные ростбифы и съ серьезнымъ видомъ разспрашиваютъ васъ, какой кусокъ вы желаете получить, прожаренный или непрожаренный, изъ середки или съ краю, съ жи-

ромъ или безъ жира. Но этими ростбифами, да еще бараниной исчерпывается все, что у нихъ есть хорошаго. Да сохранитъ Богъ всякую христіанскую душу отъ ихъ соусовъ, которые состоятъ на треть изъ муки и на двѣ трети изъ масла, или, когда желательно внести разнообразіе, на треть изъ масла и двѣ трети изъ муки. Сохрани Богъ также отъ ихъ пареныхъ гарниров изъ зелени, которую они варятъ въ водѣ въ томъ видѣ, какъ ее родила мать-природа, и такъ подаютъ къ столу. Еще ужаснѣе англійской кухни англійскіе тосты и застольныя рѣчи, которыя обязательно произносятся, когда снимается скатерть, дамы покидаютъ столъ и замѣщаются на немъ равнымъ количествомъ бутылокъ портвейна... по мнѣнію англичанъ, эти послѣднія могутъ наилучшимъ образомъ замѣнить присутствіе прекраснаго пола. Я говорю «прекраснаго пола», такъ какъ англичанки заслуживаютъ этого названія. Это—красивыя, бѣлыя, стройныя созданія. Только слишкомъ обширное пространство между носомъ и ртомъ, встрѣчающееся у нихъ не менѣе часто, чѣмъ у тамошнихъ мужчинъ, не разъ отравляло мнѣ въ Англіи наслажденіе самыми красивыми лицами. Это уклоненіе отъ нормы прекраснаго дѣйствуетъ на меня еще фатальнѣе, когда я встрѣчаю англичанъ здѣсь, въ Италіи, гдѣ ихъ скупо отмѣренные носы и широкія площадки, простирающіяся подъ носомъ вплоть до рта, находятся въ такомъ рѣзкомъ контрастѣ съ лицами итальянцевъ, у которыхъ

черты ближе къ античной правильности, а носы, или по-римски изогнутые, или по-гречески опущенные, нерѣдко достигаютъ чрезмѣрной длины. Очень удачно замѣтилъ одинъ изъ нѣмецкихъ путешественниковъ, что англичане, когда они бродятъ здѣсь среди итальянцевъ, напоминаютъ статуи, у которыхъ отбили кончикъ носа.

«Да и вообще, только встрѣтивъ англичанъ въ чужой странѣ, можно почувствовать какъ слѣдуетъ ихъ недостатки, особенно ярко выступающіе въ силу контраста. Это—боги скуки, проносящіеся изъ страны въ страну на курьерскихъ, въ блестяще-отполированныхъ каретахъ, и оставляющіе вездѣ за собою сѣрое пыльное облако тоски. Присоедините сюда ихъ любопытство, лишенное внутренняго интереса, ихъ приправленный неуклюжій обликъ, ихъ наглую робость, ихъ рѣзкій эгоизмъ и ихъ пустую веселость по поводу самыхъ печальныхъ явленій. Вотъ уже три недѣли, какъ здѣсь, на Piazza del Gran Duca, ежедневно появляется англичанинъ и съ разинутымъ ртомъ цѣлыми часами глазѣетъ на шарлатана, который, сидя верхомъ на лошади, вырываетъ людямъ зубы. Быть можетъ, это зрѣлище должно вознаградить благороднаго сына Альбіона за то лишеніе, которое онъ испытываетъ, не присутствуя на публичныхъ казняхъ, совершаемыхъ въ его любезномъ отечествѣ... Ибо на ряду съ боксомъ и пѣтушинымъ боемъ для бритта нѣтъ зрѣлища болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ созерцаніе агоніи какого-нибудь бѣдняги, который укралъ овцу или

поддѣлалъ подпись и котораго за это на цѣлый часъ выставляютъ съ веревкой на шеѣ передъ фасадомъ Old-Baylie прежде, чѣмъ вздернуть окончательно. Я отнюдь не преувеличиваю, когда говорю, что въ этой гадкой, жестокой странѣ покража овцы и поддѣлка документа караются наравнѣ съ ужаснѣйшими преступленіями—отцеубійствомъ или кровосмѣшеніемъ. Я самъ по прискорбной случайности былъ очевидцемъ того, какъ въ Лондонѣ вѣшали человѣка за кражу овцы, и съ этихъ поръ жареная баранина потеряла для меня всякую прелесть: жиръ напоминаетъ мнѣ каждый разъ бѣлый колпакъ несчастнаго грѣшника. Рядомъ съ нимъ былъ повѣшенъ одинъ ирландецъ, поддѣлавшій подпись богатаго банкира; я, какъ сейчасъ, вижу этого бѣднаго Paddy, объятаго наивнымъ смертельнымъ ужасомъ передъ судомъ присяжныхъ: онъ никакъ не могъ понять, что за одну только поддѣлку подписи его должно постигнуть столь жестокое наказаніе, — вѣдь самъ онъ охотно предоставилъ бы каждому воспроизводить свою подпись! И этотъ народъ постоянно говоритъ о христіанствѣ, не пропускаетъ ни одного воскреснаго богослуженія, наводняетъ весь міръ Библіями.

«Я долженъ, впрочемъ, признаться вамъ, Марія, что если въ Англіи мнѣ все становилось поперекъ горла—и купанья, и люди,—то причина отчасти заключалась во мнѣ самомъ. Я привезъ съ собою съ родины добрый запасъ хандры и искалъ развлеченія у народа, кото-

рый самъ не умѣетъ избавиться отъ скуки иначе, какъ потопивъ ее въ водоворотѣ политической или коммерческой дѣятельности. Въ совершенствѣ машинъ, которыя примѣняются тамъ вездѣ и берутъ на себя столько человѣческихъ отправленій, для меня также заключалось что-то непріятное и жуткое; меня наполняли ужасомъ эти искусственныя сооруженія изъ колесъ, стержней, цилиндровъ, съ тысячью всякаго рода крючечковъ, штифтиковъ, зубчиковъ, которые всѣ движутся съ какой-то страстной стремительностью. Не менѣе угнетала меня опредѣленность, точность, размѣренность и пунктуальность жизни англичанъ; вѣдь если машины выглядятъ, какъ люди, то люди кажутся намъ машинами. Да, дерево, желѣзо и мѣдь узурпировали тамъ духъ человѣка и отъ избытка одушевленности словно обезумѣли, въ то время какъ обездушенный человѣкъ, какъ пустой призракъ, совершенно машинально выполняетъ свои обычныя дѣла, въ опредѣленный моментъ пожираетъ бифштексъ, произноситъ парламентскія рѣчи, чиститъ свои ногти, влѣзаетъ въ дилижансъ или вѣшается.

«Вы легко поймете, что въ этой странѣ тоска моя должна была возрастать со дня на день. Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ мрачнымъ настроеніемъ, которое нашло на меня однажды вечеромъ, когда я стоялъ на мосту Ватерлоо и смотрѣлъ внизъ, въ воды Темзы. Душа моя словно отражалась въ водѣ и смотрѣла на меня оттуда, зіяя всѣми своими ранами... Са-

мыя грустныя исторіи приходили мнѣ на память... Я думалъ о розѣ, которая постоянно поливалась уксусомъ и потому лишилась своего сладостнаго аромата и рано увяла... Я думалъ о заблудшей бабочкѣ, которую увидѣлъ одинъ естествоиспытатель, взобравшійся на Монбланъ, — онъ видѣлъ, какъ она одиноко порхала между ледяными глыбами. Я думалъ объ одной ручной обезьянѣ, которая такъ подружилась съ людьми, что съ ними играла, съ ними обѣдала; но вотъ разъ за обѣдомъ была подана на блюдѣ зажаренная маленькая обезьянка, въ которой она узнала свое собственное дѣтище; быстро схвативъ его, она бросилась въ лѣсъ и съ тѣхъ поръ никогда уже болѣе не возвращалась къ своимъ друзьямъ-людямъ... Ахъ, мнѣ было такъ тяжело, что горячія капли неудержимо катились изъ глазъ... Онѣ падали внизъ, въ Темзу, и плыли дальше въ огромное море, которое уже поглотило столько человѣческихъ слезъ, совершенно не примѣтивъ ихъ!

«Въ этотъ моментъ страшная музыка пробудила меня отъ моихъ мрачныхъ грезъ; оглянувшись кругомъ, я замѣтилъ на берегу кучку людей, столпившихся вокругъ какого-то, очевидно, забавнаго зрѣлища. Подойдя ближе, я увидѣлъ семью артистовъ, состоявшую изъ слѣдующихъ четырехъ лицъ.

«Во-первыхъ, низкая, коренастая женщина, одѣтая во все черное, съ очень маленькой головой и очень толстымъ, выпяченнымъ животомъ. На

этомъ животѣ висѣлъ огромнѣйшій барабанъ, въ который она безпощадно колотила.

«Во-вторыхъ, карликъ, носившій расшитый костюмъ, какъ французскій маркизъ стараго времени; у него была большая напудренная голова, но всѣ остальныя части тѣла крайне мелки и тощи; приплясывая, онъ ударялъ по треугольнику.

«Въ-третьихъ, молодая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, одѣтая въ короткую, плотно облегающую тѣло кофту изъ голубого, полосатаго шелка и въ широкія панталоны изъ такого же матерьяла. Это была очаровательная, воздушная фигура. Прекрасное, греческаго типа лицо. Благородный, прямой носъ, прелестно изогнутыя губы, мечтательный, мягко закругленный подбородокъ, золотисто-солнечный цвѣтъ кожи, блестящіе черные волосы, вьющіеся на вискахъ; такъ стояла она, стройная, съ серьезнымъ и даже недовольнымъ лицомъ, и смотрѣла на четвертаго члена компаніи, который какъ разъ продѣлывалъ въ это время свои фокусы.

«Это четвертое дѣйствующее лицо была ученая собака, въ высшей степени многообѣщающій пудель; къ величайшей радости англійской публики онъ только что сложилъ изъ разсыпанныхъ передъ нимъ деревянныхъ буквъ имя «Веллингтонъ» съ весьма лестнымъ эпитетомъ: герой. Такъ какъ эта собака—что можно было замѣтить уже по ея интеллигентной наружности—не принадлежала къ числу англійскихъ животныхъ, но вмѣстѣ съ тремя остальными

ными товарищами явилась сюда изъ Франціи, то сыны Альбіона радовались, что великій Веллингтонъ, по крайней мѣрѣ среди французскихъ собакъ, добился того признанія, въ которомъ ему такъ позорно отказывали всѣ прочія французскія существа.

«Въ самомъ дѣлѣ, вся эта компанія состояла изъ французовъ, и карликъ, отрекомендовавшійся господиномъ Тюрлютю, началъ хвастливую рѣчь на французскомъ языкѣ, сопровождая ее такой страстной жестикуляціей, что бѣдные англичане расперли свои рты и носы еще шире, чѣмъ обыкновенно. Иногда, закончивъ длинный періодъ, онъ кричалъ пѣтухомъ, и эти кикерики вмѣстѣ съ именами многочисленныхъ императоровъ, королей и князей, которыми пестрѣла его рѣчь, было единственное, что понимали его бѣдные слушатели. Этихъ императоровъ, королей и князей онъ прославлялъ, какъ своихъ покровителей и друзей. Онъ увѣрялъ, что еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Его Величествомъ, блаженной памяти Людовикомъ XVI, который и въ позднѣйшее время прибѣгалъ къ его совѣту во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Отъ бурь революціи онъ, какъ и многіе другіе, спасся эмиграціей, и лишь въ эпоху имперіи вернулся въ свое любезное отечество для того, чтобы принять участіе въ славѣ великой націи. Благосклонностью Наполеона онъ, по его словамъ, никогда не пользовался, но зато Его Святѣйшество папа Пій VII почти обожалъ его. Царь Александръ угощалъ

его конфетами, а принцесса Вильгельмъ фонъ-Кирпичъ постоянно сажала его къ себѣ на колѣни. Его Свѣтлость герцогъ Карлъ Брауншвейгскій заставлялъ его нерѣдко ѣздить верхомъ на своихъ собакахъ, а Его Величество король Людвигъ Баварскій читалъ ему свои возвышенныя стихотворенія. Князья Рейсъ-Шлейцъ-Грейцъ, а также князья Шварцбургъ-Зондерсхаузенъ любили его, какъ брата, и всегда курили съ нимъ изъ одной трубки. Да, съ самаго дѣтства онъ вращался только среди монарховъ, всѣ теперешніе государи, нѣкоторымъ образомъ, выросли вмѣстѣ съ нимъ, онъ относится къ нимъ, какъ къ своимъ, и облекается въ трауръ каждый разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ отходитъ въ вѣчность. Послѣ этихъ торжественныхъ словъ онъ кричалъ пѣтухомъ.

«М-сье Тюрлютю былъ, дѣйствительно, однимъ изъ любопытнѣйшихъ карликовъ, какихъ мнѣ только приходилось когда-либо видѣть: въ такомъ забавномъ контрастѣ находилось его старое, покрытое морщинами лицо, съ мягкимъ дѣтскимъ тѣльцемъ, и такъ забавно контрастировала вся его особа съ тѣми штуками, которыя онъ выкидывалъ. А именно, онъ принималъ самыя задорныя позы и непомѣрно длинной рапирой пронзалъ воздухъ направо и налѣво; онъ поминутно клялся своей честью, что вотъ эту кварту или эту терцію никто не въ состояніи отпарировать, что, наоборотъ, его парады не можетъ разбить ни одинъ изъ смертныхъ и что онъ вызываетъ любого изъ публики

помѣряться съ нимъ въ благородномъ искусствѣ фехтованія. Посвятивъ нѣкоторое время этому представленію и не найдя никого, кто отважился бы вступить съ нимъ въ публичное состязаніе, карликъ отвѣсилъ поклонъ съ граціей, свойственной старой Франціи, поблагодарилъ за оказанное ему одобреніе и взялъ на себя смѣлость предложить высокоуважаемой публикѣ зрѣлище болѣе необычайное, чѣмъ все то, что когда-либо вызывало изумленіе зрителей на территоріи Англіи. «Видите ли вы эту особу», воскликнулъ онъ, надѣвъ грязныя лайковыя перчатки и выведя на середину круга молодую дѣвушку, принадлежавшую къ группѣ комедіантовъ, «эта особа, мадемуазель Лорансъ единственная дочь почтенной и благочестивой дамы, которую вы видите тамъ съ большимъ барабаномъ и которая до сихъ поръ носитъ трауръ по случаю смерти своего нѣжнолюбимаго супруга, величайшаго чревовѣщателя Европы! Мадемуазель Лорансъ будетъ теперь танцовать! Изумляйтесь танцу мадемуазель Лорансъ!» Произнеся эти слова, онъ снова закричалъ пѣтухомъ.

«Дѣвушка не обращала, повидимому, ни малѣйшаго вниманія ни на эти рѣчи, ни на любопытные взгляды зрителей; угрюмо погрузившись въ себя, она ждала, пока карликъ не разстелилъ передъ ней большой коверъ и не заигралъ снова на своемъ треугольникѣ въ сопровожденіи большого барабана. Это была странная музыка, нескладно брюзжащая и вмѣстѣ съ тѣмъ

сладостно щекочущая: я былъ захваченъ этой патетически-гаерской, скорбно-наглой, своеправной мелодіей, которая въ то же время поражала своей простотой. Но я тотчасъ же забылъ о музыкѣ, какъ только молодая дѣвушка начала танцовать.

«Танецъ и танцовщица съ почти неудержимой силой приковали къ себѣ все мое вниманіе. Тутъ не было того классическаго танцовальнаго искусства, которое еще встрѣчается въ нашихъ большихъ балетахъ, гдѣ, какъ и въ классической трагедіи, царствуютъ только напыщенныя единства и прочія условности; тутъ не было этихъ тщательно вытанцовываемыхъ александрійскихъ стиховъ, этихъ декламаторскихъ прыжковъ, этихъ, символизирующихъ антитезу, антраша, этой благородной страсти, которая выдѣлываетъ пируэты, вращаясь на одной ногѣ съ такой стремительностью, что ничего нельзя разобрать, кромѣ неба и трико, кромѣ идеала и лжи! По правдѣ сказать, ничто мнѣ такъ не противно, какъ балетъ въ парижской Большой оперѣ, гдѣ чище всего сохранилась традиція этого классическаго танца, несмотря на то, что въ области прочихъ искусствъ — въ поэзіи, музыкѣ и живописи — французы низвергли классическую систему. Но въ хореографическомъ искусствѣ имъ трудно произвести подобнаго рода революцію; развѣ только они прибѣгнутъ здѣсь, какъ и въ политической революціи, къ террору и начнутъ гильотинировать ноги у своихъ одервенѣвшихъ танцоровъ и танцовщицъ стараго по-

рядка. Мадемуазель Лорансъ не была великой танцовщицей, ея ступни не отличались особенной гибкостью, видно было, что ноги ея не упражнялись во всевозможныхъ вывихахъ, что она ничего не смыслила въ танцовальномъ искусствѣ, какъ ему обучаетъ Вестрисъ, но она танцовала такъ, какъ предписываетъ танцовать природа; все ея существо было въ гармоніи съ ея па, танцовали не только ея ноги, танцовало все ея тѣло, танцовало лицо... Порой она покрывалась почти смертельной блѣдностью, ея глаза раскрывались широко, какъ у привидѣнія, ея губы вздрагивали судорогой желанія и боли, а ея черные волосы, которые полукруглыми зачесами обрамляли ея виски, шевелились, какъ два трепещущихъ вороновыхъ крыла. Это былъ совсѣмъ не классическій танецъ, но и не романтическій, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ бы это слово современный французъ изъ школы Эжена Рандюэля. Въ этомъ танцѣ ничего не было ни средневѣковаго, ни венеціанскаго, ничего похожаго на пляску калѣкъ, на пляску мертвецовъ, не чувствовалось въ немъ ни луннаго свѣта, ни кровосмѣшенія... Эта пляска не заботилась о томъ, чтобы забавлять внѣшнимъ разнообразіемъ движеній, но движенія казались лишь словами какого-то особеннаго языка, которыя имѣли какой-то особенный смыслъ. Но что говорилъ этотъ танецъ? Этого я не могъ постичь, несмотря на всю страстную выразительность его языка. Я лишь смутно догадывался порой, что рѣчь идетъ

о чемъ-то мучительно страшномъ. Я обыкновенно такъ легко схватываю внутренній смыслъ всѣхъ явленій, но тутъ я не могъ разрѣшить этой протанцованной передо мной загадки, и если я все снова и снова тщетно старался схватить ея смыслъ, то въ этомъ была виновата безъ сомнѣнія и музыка, которая, вѣроятно, не безъ умысла, наводила меня на ложный слѣдъ, хитро старалась запутать и все время мѣшала мнѣ. Треугольникъ господина Тюрлютю хихикалъ иногда такъ коварно! А мамаша била въ свой большой барабанъ такъ гнѣвно, что ея лицо пылало изъ-за темнаго облака траурной шляпы, какъ зарево сѣвернаго сіянія.

«Послѣ того, какъ труппа удалилась, я долго еще стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ и размышлялъ о томъ, что могла бы обозначать эта пляска. Не былъ ли это южно-французскій или испанскій національный танецъ? На нѣчто подобное намекало то неистовство, съ которымъ бросалась то въ ту, то въ другую сторону юная танцовщица, то дикое, вызывающе-смѣлое движеніе, съ которымъ она иногда откидывала свою голову назадъ на подобіе вакханокъ, изумляющихъ насъ на барельефахъ античныхъ вазъ. Въ ея танцѣ чудилось тогда что-то безвольно-опьянѣлое, что-то мрачно-неотвратимое, фаталистическое, словно это танцовала сама судьба. Или это были обрывки какой-то древней забытой пантомимы? Или она, танцуя, разсказывала чью-то судьбу? Иногда дѣвушка склонялась ухомъ

къ землѣ и прислушивалась, какъ-будто оттуда доносился до нея какой-то голосъ... Она трепетала тогда, какъ осиновый листъ, затѣмъ порывисто откидывалась въ другую сторону, будто хотѣла что-то стряхнуть съ себя, безумными, бѣшеными прыжками, а затѣмъ снова наклоняла ухо къ землѣ, прислушивалась еще тревожнѣе, чѣмъ раньше, кивала головой, краснѣла, блѣднѣла, содрогалась, застывала на мгновеніе, выпрямившись какъ свѣча, и, наконецъ, дѣлала такое движеніе, точно умывала руки. Что смывала она со своихъ рукъ такъ долго и старательно, такъ жутко-старательно? Кровь? При этомъ она бросила въ сторону взглядъ, такой просящій, умоляющій, хватающій за сердце... и случайно взглядъ этотъ упалъ на меня.

«Всю слѣдующую ночь я думалъ объ этомъ взглядѣ, объ этомъ танцѣ, о причудливомъ аккомпаниментѣ къ нему; и когда я на слѣдующій день сталъ по обыкновенію скитаться по лондонскимъ улицамъ, я почувствовалъ неудержимое желаніе снова встрѣтиться съ хорошенькой танцовщицей, я все время напрягалъ свой слухъ, стараясь уловить звуки барабана и треугольника. Я нашелъ, наконецъ, въ Лондонѣ нѣчто такое, что меня заинтересовало; я не слонялся уже болѣе безцѣльно по его скучнымъ улицамъ.

«Я выходилъ изъ Тоуера, гдѣ обстоятельно разсмотрѣлъ топоръ, которымъ была обезглавлена Анна Болейнъ, а также алмазы англійской короны и львовъ, какъ вдругъ на Тоуерской площади посреди большой толпы людей я увидѣлъ

мамашу съ большимъ барабаномъ и тотчасъ же услыхалъ голосъ мосье Тюрлютю, прокричавшаго пѣтухомъ. Ученая собака опять прославила своими разсыпными буквами геронзмъ лорда Веллингтона, карликъ опять показалъ свои неотразимыя терціи и кварты, а мадемуазель Лорансъ опять начала свой изумительный танецъ. Передо мной были опять тѣ же загадочныя движенія, тотъ же языкъ, говорившій мнѣ что-то такое, чего я не могъ постичь, то же неистовое откидываніе назадъ прекрасной головы; такъ же прислушивалась танцовщица къ землѣ, была объята такимъ же страхомъ, который попрежнему старалась заглушить все болѣе и болѣе безумными прыжками, и снова прислушивалась приникшимъ къ землѣ ухомъ, дрожала, покрывалась блѣдностью, замирала; наконецъ, опять это ужасное таинственное омовеніе рукъ и трогательный, умоляющій взглядъ въ сторону, который на этотъ разъ еще дольше остановился на мнѣ.

«Да, женщины, не исключая и молодыхъ дѣвушекъ, тотчасъ же замѣчаютъ, если имъ удается привлечь къ себѣ вниманіе мужчины. Хотя, когда мадемуазель Лорансъ не танцовала, она все время неподвижно и сердито смотрѣла въ одну точку, а въ теченіе танца иногда бросала на публику одинъ единственный взглядъ, тѣмъ не менѣе не случайно взглядъ этотъ падалъ всегда на меня, и чѣмъ чаще присутствовалъ я при ея танцѣ, тѣмъ значительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочнѣе сіяли при этомъ ея глаза. Несмотря на сильнѣйшій шумъ уличной толпы, я сталъ

на очень далекомъ разстояніи улавливать звуки барабана и треугольника, и мосье Тюрлютю, замѣтивъ, что я спѣшу къ нимъ, тотчасъ же посылалъ мнѣ навстрѣчу свое привѣтливое кикерики. Не вымолвивъ ни одного слова ни съ нимъ, ни съ мадемуазель Лорансъ, ни съ мамашей, ни съ ученой собакой, я казался однако настоящимъ членомъ ихъ общества. Когда мосье Тюрлютю собиралъ деньги, онъ держался всегда съ тончайшимъ тактомъ: приближаясь ко мнѣ, онъ смотрѣлъ въ противоположную сторону, въ то время какъ я бросалъ въ его треугольную шляпочку мелкую монету. Онъ дѣйствительно держалъ себя съ благороднымъ достоинствомъ, напоминая изысканныя манеры прошлаго; глядя на этого маленькаго человѣчка, легко было повѣрить, что онъ выросъ среди монарховъ, и тѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ страннѣе получалось впечатлѣніе въ тѣ моменты, когда онъ совершенно забывая свое достоинство, кричалъ пѣтухомъ.

«Я не могу вамъ описать, до какой степени я былъ раздосадованъ, когда, по прошествіи нѣкотораго времени, я въ теченіе трехъ дней тщетно разыскивалъ маленькую труппу по всѣмъ улицамъ Лондона и, наконецъ, долженъ былъ убѣдиться, что она оставила этотъ городъ. Скука снова охватила меня своими свинцовыми объятіями, снова сжала мое сердце. Наконецъ, я уже не могъ больше выдержать, сказалъ прости англійскимъ mob, blackguards, gentlemen и fashionables—четыремъ сословіямъ этого государства — и отправился назадъ, на цивилизован-

ный континентъ, гдѣ молитвенно склонилъ колѣна передъ бѣлымъ фартукомъ перваго попавшагося мнѣ навстрѣчу повара. Здѣсь я снова могъ, наконецъ, обѣдать, какъ подобаетъ здравомыслящему человѣку, и радовать свою душу созерцаніемъ благодушныхъ и безкорыстныхъ физіономій. Но мадемуазель Лорансъ я все еще не могъ забыть, она еще очень долго танцовала въ моемъ воспоминаніи, и въ часы одиночества я еще очень часто размышлялъ о загадочной пантомимѣ этого прелестнаго ребенка, въ особенности о томъ, какъ она къ чему-то прислушивалась, приникнувъ къ землѣ ухомъ. Немало времени прошло также, прежде чѣмъ въ моемъ воспоминаніи замолкли причудливыя мелодіи треугольника и барабана».

«И это вся исторія?» внезапно воскликнула Марія, порывисто приподнявшись.

Но Максимиліанъ нѣжнымъ движеніемъ снова уложилъ ее, многозначительно приставилъ палецъ ко рту и прошепталъ: «Тише, тише! Только не говорите ни слова, лежите совершенно спокойно, и я разскажу вамъ конецъ исторіи. Только, ради всего святого, не перебивайте меня».

Усѣвшись поудобнѣе въ креслѣ, Максимиліанъ слѣдующимъ образомъ продолжалъ свой разсказъ:

«Черезъ пять лѣтъ послѣ этого происшествія, я впервые посѣтилъ Парижъ, и какъ разъ въ очень интересную эпоху. Французы только что разыграли свою іюльскую революцію, и весь

свѣтъ имъ апплодировалъ. Эта пьеса не была такъ ужасна, какъ прежнія трагедіи республики и имперіи. Всего нѣсколько тысячъ труповъ осталось на сценѣ. Политическіе романтики не были удовлетворены и анонсировали новую пьесу, въ которой будетъ пролито больше крови и палачъ получитъ больше работы.

«Парижъ сильно забавлялъ меня своимъ весельемъ, которое проявляется тамъ рѣшительно во всемъ и оказываетъ свое вліяніе даже на самыхъ унылыхъ людей. Поразительно! Парижъ, это -арена, на которой разыгрываются величайшія трагедіи міровой исторіи, трагедіи, при одномъ воспоминаніи о которыхъ содрогаются сердца и увлажняются очи у обитателей самыхъ отдаленныхъ странъ; и однако здѣсь, въ Парижѣ, зритель этихъ трагедій испытываетъ нѣчто въ родѣ того, что я испыталъ разъ въ Porte Saint-Martin на представленіи «Tour de Nesle». Мнѣ пришлось тамъ сидѣть сзади дамы, на которой была надѣта шляпа изъ красно-розоваго газа; шляпа эта была настолько широка, что заслоняла отъ меня всю сцену; такимъ образомъ все, что ни разыгрывалось тамъ трагичнаго, я видѣлъ сквозь этотъ красный газъ, и всѣ ужасы «Tour de Nesle» рисовались мнѣ въ радостномъ, розовомъ свѣтѣ. Да, въ Парижѣ есть такой розовый свѣтъ, который покрываетъ веселымъ колоритомъ всѣ трагедіи въ глазахъ непосредственнаго зрителя, чтобы онѣ не отравили ему радость жизни. Даже тѣ ужасы, которые вы приносите въ Парижъ въ своемъ соб-

ственномъ сердцѣ, перестаютъ васъ тамъ угнетать. Какъ-то странно смягчаются страданія. Въ парижскомъ воздухѣ всѣ раны исцѣляются гораздо быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; есть въ этомъ воздухѣ что-то такое же великодушное, сострадательное, привѣтливое, какъ и въ самомъ народѣ. Но что мнѣ больше всего понравилось въ парижанахъ, это вѣжливость ихъ въ обращеніи и благородная внѣшность ихъ. О, сладкій ананасный ароматъ вѣжливости! Какъ благодѣтельно освѣжилъ ты мою больную душу, поглотившую въ Германіи столько табачнаго чада, запаха кислой капусты и грубости! Какъ мелодіи Россини, звучали въ моихъ ушахъ изысканныя извиненія француза, лишь слегка толкнувшаго меня на улицѣ въ день моего прибытія въ Парижъ. Я былъ почти испуганъ этой сладостной вѣжливостью,—я, привыкшій къ нѣмецки-грубымъ толчкамъ въ бокъ безъ какихъ-либо извиненій. Въ первую недѣлю моего пребыванія въ Парижѣ я нарочно старался ходить такъ, чтобы меня толкали, съ исключительной цѣлью насладиться музыкой извинительныхъ рѣчей. Но не только эта вѣжливость, а и самый языкъ придавалъ въ моихъ глазахъ французскому народу черту извѣстнаго благородства. Вѣдь, какъ вы знаете, у насъ, на сѣверѣ, умѣнье говорить по-французски принадлежитъ къ числу аттрибутовъ высшаго дворянства, и потому съ французскимъ языкомъ у меня съ самаго дѣтства ассоціировалась идея благородства. Здѣсь, въ Парижѣ, какая-нибудь дама съ толкучаго рын-

ка лучше говоритъ по-французски, чѣмъ окончившая институтъ нѣмецкая аристократка съ шестьюдесятью четырьмя предками.

«Благодаря языку, сообщающему французскому народу внѣшность благородства, народъ этотъ пріобрѣлъ въ моихъ глазахъ что-то очаровательно-сказочное. Это вызывалось другимъ воспоминаніемъ моего дѣтства. А именно, первая книжка, по которой я учился читать по-французски, были басни Лафонтена; ихъ наивно благоразумные разговоры неизгладимо запечатлѣлись въ моей памяти, и когда я явился въ Парижъ, то звуки раздававшейся вездѣ кругомъ французской рѣчи постоянно напоминали мнѣ басни Лафонтена; мнѣ все казалось, что я слышу хорошо знакомые голоса животныхъ: вотъ это говоритъ левъ, а это—волкъ, затѣмъ—ягненокъ, аистъ или голубь; нерѣдко мнѣ чудились и вкрадчивыя рѣчи лисицы, и въ моемъ воспоминаніи частенько воскресали слова:

Eh! bonjour, monsieur du Corbeau!
Que vous êtes joli! que vous me semblez beau!

«Но еще чаще пробуждались въ моей душѣ эти воспоминанія о персонажахъ басенъ, когда я попадалъ въ Парижѣ въ тѣ высшія сферы, которыя зовутся свѣтомъ. Вѣдь это былъ тотъ самый свѣтъ, который доставилъ покойному Лафонтену типы, воплощенные въ характерахъ его различныхъ животныхъ. Зимній сезонъ начался вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Парижъ, и я принялъ участіе въ жизни салоновъ, гдѣ болѣе или

менѣе весело толчется этотъ «свѣтъ». Самымъ интереснымъ и поразительнымъ для меня въ жизни свѣта была не столько одинаковость царящихъ въ немъ утонченныхъ нравовъ, сколько различность его отдѣльныхъ составныхъ частей. Порою, наблюдая людей, мирно собравшихся въ какомъ-нибудь большомъ салонѣ, я чувствовалъ себя словно въ лавкѣ рѣдкостей, гдѣ въ пестромъ смѣшеніи покоятся рядомъ другъ съ другомъ реликвіи всевозможныхъ эпохъ: греческій Аполлонъ рядомъ съ китайской пагодой, мексиканскій Вицлипуцли рядомъ съ готическимъ «Ecce homo!», египетскіе идолы съ собачьими головами, священные уродцы изъ дерева, слоновой кости, металла и т. п. Тамъ встрѣчались старые мушкетеры, танцовавшіе нѣкогда съ Маріей Антуанетой, умѣренные республиканцы, которыхъ боготворили въ Національномъ Собраніи, монтаньяры, безпощадные и безупречные, бывшіе герои Директоріи, царствовавшіе въ Люксембургѣ, вельможи Имперіи, передъ которыми трепетала вся Европа, іезуиты, господствовавшіе во время Реставраціи,—однимъ словомъ, все выцвѣтшія, искалѣченныя божества различныхъ временъ, въ которыя никто уже болѣе не вѣритъ. Имена вопіютъ при взаимномъ сопоставленіи, но люди мирно и дружественно помѣщаются рядомъ, какъ старинныя рѣдкости въ упомянутыхъ антикварныхъ лавкахъ на Quai Voltaire. Въ германскихъ странахъ, гдѣ страсти не такъ легко поддаются дисциплинѣ, совмѣстная жизнь столь разнородныхъ лицъ въ одномъ и томъ же обще-

ствѣ была бы чѣмъ-то совершенно немыслимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ, на холодномъ сѣверѣ, потребность говорить не такъ сильна, какъ въ болѣе теплой Франціи, гдѣ даже величайшіе враги, встрѣтившись въ салонѣ, не въ состояніи въ теченіе долгаго времени хранить угрюмое молчаніе. Кромѣ того, желаніе нравиться во Франціи такъ велико, что люди всѣми силами стараются произвести благопріятное впечатлѣніе не только на друзей, но и на враговъ. Здѣсь постоянно во что-нибудь драпируются и жеманничаютъ, такъ что женщинамъ не легко превзойти мужчинъ въ кокетствѣ; впрочемъ, это имъ все-таки удается.

«Этимъ замѣчаніемъ я не хотѣлъ, отнюдь не хотѣлъ сказать ничего дурного о французскихъ женщинахъ, и менѣе всего о парижанкахъ; наоборотъ, я величайшій ихъ почитатель, почитатель ихъ пороковъ не менѣе, чѣмъ ихъ добродѣтелей. Я не знаю ничего болѣе мѣткаго, чѣмъ та легенда, согласно которой парижанки рождаются на свѣтъ со всевозможными недостатками, но благодѣтельная фея, сжалившись надъ ними, заколдовываетъ каждый ихъ недостатокъ, такъ что онъ производитъ впечатлѣніе уже не порока, а новаго очарованія. Эта добрая фея зовется граціей. Красивы ли парижанки? Кто можетъ на это отвѣтить? Кто въ состояніи распутать всѣ интриги туалета, кто въ состояніи разгадать, подлинно ли то, что просвѣчиваетъ сквозь тюль, не поддѣльно ли то, чѣмъ хвастаютъ пышныя шелковыя ткани? И едва вашему глазу удастся

проникнуть за оболочку, едва вы соберетесь приступить къ изслѣдованію самого ядра, какъ оно тотчасъ же облекается въ новую скорлупу, затѣмъ опять въ новую, и эта непрерывная смѣна моды издѣвается надъ вашими усиліями мужской проницательности. Красивы ли ихъ лица? Даже это трудно сказать. Ибо всѣ черты лица у нихъ въ постоянномъ движеніи, каждая парижанка имѣетъ тысячу лицъ, одно одушевленнѣе, увлекательнѣе, миловиднѣе другого, и придетъ въ полное отчаяніе всякій, кто попытается среди этой тысячи найти самое красивое или хотя бы распознать истинное лицо. Большіе ли у нихъ глаза? Почемъ я знаю? Не слишкомъ-то легко изслѣдовать калибръ пушечнаго жерла въ то время, какъ оно выбрасываетъ ядро вамъ въ голову. И даже если онѣ не попадаютъ въ цѣль, эти глаза, они ослѣпляютъ своимъ огнемъ, и ужъ радъ-радешенекъ бываешь, если удастся удержаться на безопасномъ разстояніи, внѣ выстрѣла. Широко или узко у нихъ пространство между носомъ и ртомъ? Иногда широко, когда онѣ приподнимаютъ носъ, иногда узко, когда онѣ задорно вздергиваютъ верхнюю губу. Великъ у нихъ ротъ или малъ? Но кто можетъ опредѣлить, гдѣ оканчивается ротъ и начинается улыбка? Чтобы высказать правильное сужденіе, лицо обсуждающее и предметъ обсужденія должны находиться въ состояніи покоя. Но кто можетъ быть спокоенъ рядомъ съ парижанкой, и какая парижанка бываетъ когда бы то ни было спокойна? Есть люди, которые думаютъ, что они могутъ

совершенно отчетливо разсмотрѣть бабочку, приколовъ ее булавкой къ бумагѣ. Это столь же нелѣпо, какъ и жестоко. Приколотая, покоящаяся бабочка уже болѣе не бабочка. Бабочку надо разсматривать, когда она порхаетъ вокругъ цвѣтовъ... и парижанку надо разсматривать не въ ея домашней обстановкѣ, гдѣ она—какъ бабочка, приколотая булавкой, а въ салонѣ, на вечерахъ и балахъ, когда она порхаетъ на своихъ крылышкахъ изъ расшитаго газа и шелка подъ радостными лучами сверкающихъ хрустальныхъ люстръ. Тогда проявляется у нихъ торопливая погоня за жизнью, жажда сладкаго дурмана, жажда опьяненія, и благодаря этому онѣ пріобрѣтаютъ почти пугающую красоту и то обаяніе, которое одновременно и восхищаетъ, и потрясаетъ нашу душу.

«Эта жажда наслаждаться жизнью, словно черезъ минуту смерть уже оторветъ отъ кипучаго источника наслажденій, словно черезъ минуту источникъ этотъ изсякнетъ, эта стремительность, эта ярость, это безуміе парижанокъ, особенно ярко просвѣчивающееся на балахъ, напоминаетъ мнѣ повѣрье о мертвыхъ танцовщицахъ, которыхъ у насъ называютъ Виллисъ. Это—юныя невѣсты, которыя умерли ранѣе дня свадьбы, но сохранили въ своей душѣ не утоленную жажду къ танцамъ, такую властную, что по ночамъ онѣ встаютъ изъ своихъ гробовъ, толпами собираются на дорогахъ и въ полночь предаются самымъ дикимъ пляскамъ. Разодѣтыя въ подвѣнечныя платья, съ вѣнками цвѣтовъ на головахъ,

съ блестящими кольцами на блѣдныхъ рукахъ, жутко смѣясь, танцуютъ неотразимо-прекрасныя Вилисъ въ лучахъ мѣсяца, и танцуютъ тѣмъ неистовѣе, тѣмъ бѣшенѣе, чѣмъ сильнѣе онѣ чувствуютъ, что часъ ихъ плясокъ истекаетъ и снова онѣ должны вернуться въ ледяной холодъ могилы.

«Впечатлѣніе это особенно глубоко запало мнѣ въ душу на одномъ вечерѣ въ Chaussée d'Antin. Это былъ блестящій вечеръ; всѣ традиціонные ингредіенты общественныхъ увеселеній были налицо: достаточно огней для освѣщенія, достаточно зеркалъ, чтобы смотрѣться, достаточно людей, чтобы разогрѣться въ толкотнѣ, достаточно прохладительныхъ напитковъ и мороженаго, чтобы освѣжиться. Начали съ музыки. Къ фортепьяно потащили Франца Листа. Взъерошивъ волосы надъ геніальнымъ лбомъ, онъ далъ одно изъ самыхъ блестящихъ своихъ сраженій. Клавиши, казалось, истекали кровью. Если я не ошибаюсь, онъ сыгралъ одинъ пассажъ изъ Палингенезій Балланша, идеи котораго онъ перевелъ на музыку, что было очень полезно для тѣхъ, которые не могли читать труды этого знаменитаго писателя въ оригиналѣ. Затѣмъ онъ сыгралъ шествіе на казнь, la marche au supplice Берліоза, прекрасную вещь, которую этотъ юный музыкантъ сочинилъ, если не ошибаюсь, утромъ въ день своей свадьбы. Повсюду въ залѣ—поблѣднѣвшія лица, неровно подымающіяся груди, легкіе вздохи во время паузъ, и, наконецъ, бурное одобреніе. Женщины всегда словно хмелѣютъ по-

слѣ игры Листа. Съ бѣшеной радостью пустились онѣ въ плясъ, эти салонныя Виллисъ, такъ что мнѣ лишь съ трудомъ удалось выбраться изъ поднявшейся сутолоки въ сосѣднюю залу. Здѣсь шла игра, и на большихъ креслахъ расположилось нѣсколько дамъ, которыя слѣдили за играющими. или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что интересуются игрой. Проходя мимо одной изъ этихъ дамъ и задѣвъ ея платье рукавомъ, я почувствовалъ, какъ по моей рукѣ пробѣжало вверхъ до самаго плеча легкое содроганіе, точно отъ слабаго электрическаго удара. Но такой ударъ съ величайшей силой потрясъ мое сердце, когда я взглянулъ дамѣ въ лицо. Она это или нѣтъ? Это было то же самое лицо, напоминающее античную статую чертами и солнечнымъ колоритомъ, но оно не было уже, какъ прежде, мраморно-чисто и мраморно-гладко. При внимательномъ взглядѣ можно было замѣтить на лбу и щекахъ маленькія шероховатости, быть можетъ, слѣды осны, совершенно похожія на тѣ легкія пятна сырости, которыя обыкновенно образуются на лицѣ статуй, долгое время подвергавшихся дѣйствію дождя. Это были далѣе тѣ же самые черные волосы, гладкими овалами прикрывавшіе виски, подобно крыльямъ ворона. Но когда глаза ея встрѣтились съ моими, бросивъ на меня тотъ хорошо знакомый боковой взглядъ, быстрая молнія котораго такъ загадочно всегда пронизывала мнѣ душу, я уже больше не сомнѣвался: это была мадемуазель Лорансъ.

«Откинувшись въ благородной позѣ на сво-

емъ креслѣ, опершись одной рукой о ручку его и держа букетъ цвѣтовъ въ другой рукѣ, мадемуазель Лорансъ сидѣла недалеко отъ игорнаго стола, и, повидимому, все ея вниманіе было поглощено картами. Благородень и изященъ былъ ея нарядъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно простъ, весь изъ бѣлаго атласа. Она не носила никакихъ украшеній за исключеніемъ браслета и жемчужной брошки. Кружева закрывали ея юную грудь, почти пуритански поднимаясь до самой шеи, и въ этой простотѣ и скромности своего туалета она представляла трогательно милый контрастъ съ нѣкоторыми болѣе пожилыми дамами, которыя, пестро разряженныя, сверкая брилліантами, сидѣли возлѣ нея и меланхолически обнажали взору руины своего былого великолѣпія—то мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла Троя. Мадемуазель Лорансъ попрежнему была изумительно красива и попрежнему имѣла восхитительно сердитый видъ. Меня неудержимо влекло къ ней, и, въ концѣ-концовъ, я очутился позади ея кресла, горя желаніемъ заговорить съ ней и не смѣя заговорить въ силу какой-то робкой деликатности.

«Я, вѣроятно, уже довольно долго молча стоялъ позади нея, какъ вдругъ она выдернула изъ своего букета одинъ цвѣтокъ и, не оглядываясь, протянула мнѣ этотъ цвѣтокъ черезъ плечо. Странный ароматъ издавалъ этотъ цвѣтокъ и странныя чары навѣвалъ онъ на меня. Я почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ свѣтскихъ условностей и былъ словно во снѣ,

гдѣ мы говоримъ и дѣлаемъ всякаго рода вещи, изумляющія насъ самихъ, и гдѣ наши слова пріобрѣтаютъ характеръ дѣтской довѣрчивости и простоты. Спокойно, равнодушно и небрежно, какъ это ведется между старыми друзьями, перегнулся я черезъ спинку кресла и прошепталъ на ухо молодой дамѣ: «Мадемуазель Лорансъ, гдѣ же мамаша съ барабаномъ?»

«Она умерла», отвѣчала та тѣмъ же тономъ, также спокойно, равнодушно и небрежно.

«Послѣ небольшой паузы я снова наклонился надъ спинкою кресла и прошепталъ на ухо молодой дамѣ:

«Мадемуазель Лорансъ, а гдѣ ученая собака?»

«Она вырвалась на волю и убѣжала», отвѣчала она опять тѣмъ же спокойнымъ, равнодушнымъ, небрежнымъ тономъ.

«И снова наклонился я надъ спинкой кресла и прошепталъ на ухо молодой дамѣ: «Мадемуазель Лорансъ, а гдѣ же м-сьё Тюрлютю, карликъ?»

«Онъ съ великанами на бульварѣ du Temple», отвѣчала она. Но едва она произнесла эти слова опять все тѣмъ же спокойнымъ, равнодушнымъ, небрежнымъ тономъ, какъ къ ней подошелъ старый господинъ, съ серьезнымъ лицомъ, высокаго роста и съ военной выправкой, и сообщилъ, что карета подана. Медленно поднявшись съ кресла, она оперлась на его руку и, не бросивъ на меня ни одного взгляда, покинула вмѣстѣ съ нимъ общество.

Я подошелъ къ хозяйкѣ дома, которая весь вечеръ простояла у входа въ главную залу и преподносила свою улыбку каждому изъ входящихъ гостей, и освѣдомился у ней объ имени юной особы, только что вышедшей въ сопровожденіи стараго господина, но она весело расхохоталась мнѣ въ лицо и воскликнула: «Богъ мой! Развѣ можно всѣхъ знать? Я знаю его столь же мало, какъ...» Она запнулась, такъ какъ, навѣрное, собиралась сказать: «столь же мало, какъ и васъ самихъ»—меня она также видѣла въ этотъ вечеръ въ первый разъ. «Быть можетъ», замѣтилъ я, «вашъ супругъ могъ бы сообщить мнѣ какія-либо свѣдѣнія; гдѣ я могу найти его?»

«На охотѣ въ Сенъ-Жерменѣ», отвѣтила дама, смѣясь еще сильнѣе, «онъ уѣхалъ сегодня утромъ и вернется лишь завтра вечеромъ... Но постойте, я знаю человѣка, который долго разговаривалъ съ интересующей васъ дамой, я забыла его имя, но вы легко его разыщете, если будете разспрашивать о молодомъ человѣкѣ, которому Казиміръ Перрье далъ пинокъ ногою, не помню, по какому поводу».

«Какъ ни трудно найти человѣка по одному только тому признаку, что онъ получилъ пинокъ отъ министра, я быстро отыскалъ, кого мнѣ было нужно, и обратился къ нему съ просьбой дать болѣе подробныя свѣдѣнія о странномъ созданіи, которое меня такъ интересовало и которое я сумѣлъ описать ему достаточно отчетливо. «Да», сказалъ молодой человѣкъ, «я

знаю ее очень хорошо, я бесѣдовалъ съ ней на многихъ вечерахъ», и онъ повторилъ мнѣ кучу ничего не говорящихъ вещей, которыми онъ ее развлекалъ. Что его особенно поражало, такъ это ея серьезный взглядъ каждый разъ, когда онъ говорилъ ей какую-нибудь любезность. Немало удивляло его также, что она всегда отклоняла его приглашенія на контрдансъ, увѣряя, что не умѣетъ танцовать. Какъ ее зовутъ и откуда она, онъ не зналъ. И къ кому я ни обращался съ разспросами, никто не былъ въ состояніи сообщить мнѣ объ этомъ какія-либо данныя. Напрасно бѣгалъ я по всевозможнымъ вечерамъ, нигдѣ уже больше не удалось мнѣ встрѣтиться съ мадемуазель Лорансъ».

«И это вся исторія?» воскликнула Марія, медленно повернувшись и сонно зѣвая, «это и есть вся ваша замѣчательная исторія? И съ той поры вы никогда уже больше не встрѣчали ни мадемуазель Лорансъ, ни маманю съ барабаномъ, ни карлика Тюрлютю, ни ученой собаки?»

«Лежите, лежите спокойно», отвѣчалъ Максимиліанъ.

«Я снова увидѣлъ ихъ всѣхъ, даже ученую собаку. Правда, эта послѣдняя находилась, бѣднягa, въ самомъ отчаянномъ положеніи, когда я встрѣтился съ ней въ Парижѣ. Это было въ Латинскомъ кварталѣ. Я какъ разъ проходилъ мимо Сорбонны, какъ вдругъ изъ воротъ ея выскочила собака, а за нею дюжина вооруженныхъ палками студентовъ, къ которымъ вскорѣ присоединились двѣ дюжины старухъ, и всѣ

хоромъ кричали: «Бѣшеная собака!» Почти по-человѣчески выглядѣло несчастное животное, охваченное смертельнымъ ужасомъ, глаза его были мокры, словно отъ слезъ, и, когда, поспѣшно пробѣгая мимо, оно бросило на меня свой влажный взглядъ, я узналъ въ немъ моего стараго друга, ученаго пса, который нѣкогда слагалъ хвалу лорду Веллингтону и приводилъ въ изумленіе народъ Англіи. Дѣйствительно ли онъ взбѣсился? Или просто чрезмѣрно нахватался учености, продолжая курсъ своего обученія въ Латинскомъ кварталѣ? Или, быть можетъ, находясь въ Сорбоннѣ, онъ выразилъ своимъ рычаніемъ и ворчаніемъ неодобреніе нахальному шарлатанству какого-нибудь профессора, и этотъ послѣдній постарался избавиться отъ нежелательнаго слушателя, объявивъ его бѣшенымъ? И, ахъ! Юношество не склонно долго разслѣдовать, что продиктовало первый крикъ «Бѣшеная собака!» Не скрывалось ли за нимъ уязвленное самомнѣніе ученаго или даже просто зависть? Они бросились на собаку со своими безсмысленными палками; старухи, по обыкновенію, тотчасъ же присоединились къ нимъ со своими воплями и легко заглушили голосъ невинности и разума. Мой бѣдный другъ былъ обреченъ на моихъ глазахъ, онъ былъ безжалостно убитъ, поруганъ и, наконецъ, брошенъ на навозную кучу! Бѣдный мученикъ науки!

«Почти въ такомъ же печальномъ состояніи оказался карликъ, м-сьё Тюрлютю, когда я его нашелъ на бульварѣ du Temple. Хотя маде-

муазель Лорансъ и сказала мнѣ, что онъ находится тамъ, но, быть можетъ, я недостаточно внимательно его искалъ, или же мнѣ помѣшала снующая взадъ и впередъ толпа, только я лишь очень не скоро замѣтилъ помѣщеніе, въ которомъ показывались великаны. Войдя туда, я нашелъ тамъ двухъ долговязыхъ лѣнтяевъ, которые праздно валялись на нарахъ, но при моемъ приближеніи быстро вскочили и стали въ позы великановъ. Они вовсе не были такъ велики, какъ хвастала ихъ афиша. Это были два долговязыхъ парня, одѣтые въ розовое трико, носившіе очень черныя, быть можетъ, фальшивыя бакенбарды, и махавшіе надъ своими головами деревянными дубинами, выдолбленными внутри. Когда я спросилъ ихъ о карликѣ, они отвѣтили, что онъ уже четыре недѣли не показывается по причинѣ все усиливающагося нездоровья, но что я могу его все-таки видѣть, если заплачу двойную входную плату. Какъ охотно соглашаешься на двойную входную плату, чтобы повидаться со старымъ другомъ! Но, увы! Я засталъ друга на смертномъ одрѣ. Этотъ смертный одръ былъ въ сущности дѣтской колыбелью, и въ ней лежалъ бѣдный карликъ со своимъ желтымъ, сморщеннымъ, старческимъ лицомъ. Рядомъ сидѣла маленькая дѣвочка, лѣтъ четырехъ, и, покачивая колыбель ногою, напѣвала шаловливо смѣющимся голосомъ: «Спи Тюрлютюша, спи!

«Когда малышъ замѣтилъ меня, онъ раскрылъ, насколько могъ широко, свои стеклян-

мые, тусклые глаза, и скорбная улыбка передернула его бѣлыя губы: онъ, повидимому, сразу узналъ меня, протянулъ мнѣ свою высохшую ручку и тихо прохрипѣлъ: «Старый другъ!»

«Да, въ печальномъ положеніи очутился этотъ человѣкъ, который уже на восьмомъ году жизни имѣлъ длинную бесѣду съ Людовикомъ XVI, котораго царь Александръ кормилъ конфетами, принцесса Киритцъ качала на колѣнахъ, который ѣздилъ верхомъ на собакахъ герцога Брауншвейгскаго, которому баварскій король читалъ свои стихи, который курилъ изъ одной трубки съ нѣмецкими князьями, котораго обожалъ папа и никогда не любилъ Наполеонъ! Это послѣднее обстоятельство озабочивало несчастнаго даже на его смертномъ одрѣ, или, какъ я уже сказалъ, въ его смертной колыбели. Онъ плакалъ о трагической судьбѣ великаго императора, который никогда его не любилъ, но такъ печально закончилъ свою жизнь на Св. Еленѣ, «совсѣмъ, какъ я кончаю теперь мою жизнь», прибавилъ онъ, «одинокій, непризнанный, покинутый всѣми королями и князьями, каррикатура былого величія».

«Хотя я и не могъ толкомъ понять, что общаго между карликомъ, умирающимъ среди великановъ, и великаномъ, умершимъ среди карликовъ, тѣмъ не менѣе меня очень растрогали слова бѣднаго Тюрлютю и его полная заброшенность въ смертный часъ. Я не могъ удержаться и выразилъ удивленіе, почему мадемуазель Лорансъ, достигшая теперь такого высо-

каго положенія, не позаботилась о немъ. Едва я произнесъ это имя, какъ карлика въ его колыбели потрясли жестокія судороги и его бѣлыя губы пролепетали: «Неблагодарное дитя, которое я воспиталъ, которое я хотѣлъ возвысить и сдѣлать своей супругой, которое я училъ, какъ надо держать себя съ великими міра сего, какъ улыбаться, какъ кланяться при дворѣ, какъ представляться!.. Ты хорошо воспользовалась моими совѣтами, ты теперь важная дама, у тебя есть своя карета, лакеи и много денегъ, много гордости, но нѣтъ сердца. Ты даешь мнѣ здѣсь умереть, въ одиночествѣ и нищетѣ, какъ умеръ Наполеонъ на Св. Еленѣ! О, Наполеонъ, ты никогда меня не любилъ...» Я не могъ разобрать, что онъ еще прибавилъ. Онъ поднялъ голову, сдѣлалъ рукою нѣсколько движеній, какъ будто съ кѣмъ-то фехтовалъ, быть можетъ, со смертью. Но силѣ этого противника не въ силахъ противостоять ни одинъ человѣкъ, ни Наполеонъ, ни Тюрлютю. Здѣсь не помогаютъ никакіе парады. Блѣдный, словно потерпѣвшій пораженіе, карликъ снова опустилъ свою голову, устремилъ на меня продолжительный, неописуемо жуткій взглядъ, внезапно закричалъ пѣтухомъ и испустилъ духъ.

«Эта смерть огорчила меня тѣмъ сильнѣе, что усопшій не успѣлъ сообщить мнѣ никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній относительно мадемуазель Лорансъ. Гдѣ мнѣ теперь ее искать? Я не былъ въ нее влюбленъ и не чувствовалъ къ ней даже какого-либо особаго влеченія, и

тѣмъ не менѣе загадочное желаніе повсюду разыскивать ее все время точило меня. Стоило мнѣ войти въ салонъ и, осмотрѣвъ собравшееся общество, убѣдиться, что здѣсь нѣтъ знакомаго лица, какъ я быстро терялъ всякій покой, и какая-то сила уже гнала меня отсюда на новые поиски. Размышляя объ этомъ чувствѣ, стоялъ я какъ-то въ полночь у одного изъ отдаленныхъ входовъ въ Большую Оперу и ожидалъ, нетерпѣливо ожидалъ кареты, такъ какъ лилъ сильный дождь. Но карета не появлялась, или, вѣрнѣе, появлялись лишь кареты, принадлежавшія другимъ людямъ, которые съ удовольствіемъ садились въ нихъ и отъѣзжали, такъ что мало-по-малу вокругъ меня стало довольно пустынно. «Видно, придется вамъ ѣхать со мной», произнесла, наконецъ, одна дама, вся закутанная въ черную мантію, которая также ждала нѣкоторое время экипажа, стоя подлѣ меня, и теперь какъ разъ собиралась сѣсть въ карету. Голосъ ея потрясъ мое сердце, хорошо знакомый боковой взглядъ оказалъ опять свое обычное волшебное дѣйствіе, я былъ опять словно во снѣ, очутившись въ мягкой, теплой каретѣ рядомъ съ мадемуазель Лорансъ. Мы не сказали ни слова, да и не могли бы услышать другъ друга, если бы вздумали разговаривать, такъ какъ карета ѣхала по улицамъ Парижа съ ужасающимъ шумомъ, ѣхала очень долго, пока не остановилась, наконецъ, передъ большимъ подъѣздомъ. Слуги въ блестящихъ ливреяхъ освѣщали намъ путь, пока мы взбирались по лѣст-

ницѣ и проходили черезъ рядъ комнатъ. Горничная, вышедшая навстрѣчу съ заспаннымъ лицомъ, заикаясь, съ безчисленными извиненіями, доложила, что натоплено только въ красной комнатѣ. Лорансъ, кивнувъ служанкѣ, чтобы она уходила, смѣясь, произнесла: «Случай заводитъ васъ сегодня далеко: только въ моей спальнѣ натоплено...»

«Въ этой спальнѣ, гдѣ мы вскорѣ остались одни, ярко пылалъ каминъ, и это дѣйствовало тѣмъ благотворнѣе, что комната была чудовищно велика и высока. Эта большая спальня, которой скорѣе приличествовалъ бы титулъ спальной залы, производила впечатлѣніе какой-то странной пустынности. Мебель и украшенія, все носило на себѣ отпечатокъ того времени, блескъ котораго представляется намъ теперь такимъ запыленнымъ, величіе котораго кажется намъ такимъ прозаичнымъ, что его остатки возбуждаютъ въ насъ чувство какой-то неловкости, если не тайную усмѣшку. Я говорю объ эпохѣ Имперіи, эпохѣ золотыхъ орловъ, высоко развѣвающихся перьевъ, греческихъ причесокъ, славы, крупныхъ тамбурмайоровъ, военныхъ мессъ, официальнаго безсмертія, декретируемаго Moniteur'омъ, континентальнаго кофе, которое приготовляли изъ цикорія, плохого сахара, который фабриковали изъ свеклы, принцевъ и герцоговъ, которыхъ дѣлали изъ ничего. Но оно все же имѣло свою привлекательность, это время патетическаго матеріализма... Тальма декламировалъ, Гро писалъ картины, Биготтини танцовала. Грас-

сини пѣлъ, Мори произносилъ проповѣди, Ровиго управлялъ полиціей, императоръ читалъ Оссіана, Полина Боргезе позировала въ качествѣ Венеры, и при томъ совершенно голая, ибо комната была хорошо натоплена, какъ та спальня, въ которой мы находились съ мадемуазель Лорансъ.

«Мы сидѣли у камина, дружески болтая, и со вздохомъ она разсказала мнѣ, что вышла замужъ за бонапартистскаго героя, который каждый вечеръ передъ отходомъ ко сну развлекалъ ее описаніемъ одной изъ пережитыхъ имъ битвъ; нѣсколько дней тому назадъ, передъ тѣмъ, какъ уѣхать, онъ изобразилъ ей сраженіе подъ Іеной; здоровье его очень плохо, и едва ли онъ проживетъ достаточно долго, чтобы закончить повѣствованіе о русскомъ походѣ. Когда я спросилъ ее, давно ли умеръ ея отецъ, она разсмѣялась и сказала, что отца она никогда не знала, и что ее такъ называемая мать никогда не была замужемъ.

«Какъ не была замужемъ?» воскликнулъ я, «да вѣдь въ Лондонѣ я собственными глазами видѣлъ ее въ глубокомъ траурѣ по умершемъ мужѣ!»

«О», возразила Лорансъ, «она за послѣднія двѣнадцать лѣтъ всегда одѣвалась во все черное, чтобы въ качествѣ несчастной вдовы возбуждать состраданіе въ людяхъ, а кстати, если удастся, соблазнить какого-нибудь, склоннаго къ женитьбѣ, простофилю; подъ чернымъ флагомъ она разсчитывала скорѣе причалить къ гавани

супружества. Но одна только смерть сжалилась надъ нею, и она умерла отъ кровотеченія. Я никогда ее не любила, такъ какъ получала отъ нея много колотушекъ и мало пищи. Я умерла бы съ голода, если бы м-сьё Тюрлютю не приносилъ мнѣ иногда потихоньку кусочка хлѣба; но карликъ требовалъ въ награду за это, чтобы я вышла за него замужъ, и, когда его надежды рухнули, онъ соединился съ моей матерью,—я говорю «матерью» только по привычкѣ, и они общими силами стали меня мучить. Они говорили всегда, что я совершенно лишнее существо, что ученая собака въ тысячу разъ цѣннѣе меня съ моими плохими танцами. Они хвалили собаку на мой счетъ, превозносили ее до небесъ, гладили, кормили пирогами, а мнѣ бросали объѣдки. Собака,—говорили они,—ихъ самая надежная опора, она восхищаетъ публику, которая нисколько не интересуется мною, собака должна прокармливать меня своимъ трудомъ. я питаюсь подаяніемъ собаки. Проклятая собака!»

«О, не проклинайте ее больше», прервалъ я ея гнѣвную рѣчь, «ея уже нѣтъ, и я присутствовалъ при ея смерти...»

«Околѣла скотина?» воскликнула, вскакивая, Лорансъ, съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ радости.

«Да, и карликъ также умеръ», прибавилъ я.

«М-сьё Тюрлютю?» вскричала Лорансъ также съ радостью. Но мало-по-малу радость эта исчезла съ ея лица, и болѣе кроткимъ, почти

скорбнымъ тономъ она, наконецъ, произнесла: «Бѣдный Тюрлютю!»

«Я не скрылъ отъ нея, что карликъ, умирая, горько жаловался на ея жестокость. Она страшно волновалась и стала всячески увѣрять меня, что имѣла намѣреніе впослѣдствіи обезпечить карлика, предлагала ему пенсію, съ условіемъ, что онъ будетъ тихо и скромно жить гдѣ-нибудь въ провинціи. «Но этотъ честолюбецъ», продолжала Лорансъ, «хотѣлъ во что бы то ни стало остаться въ Парижѣ и даже жить въ моемъ отелѣ; онъ разсчитывалъ возобновить при моемъ посредствѣ свои былыя связи въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ и снова занять свое прежнее блестящее положеніе въ обществѣ. Когда я ему рѣшительно отказала въ этомъ, онъ началъ кричать, что я проклятое привидѣніе, вампиръ, покойницкое отродье».

«Лорансъ внезапно умолкла, вся содрогнулась, и, наконецъ, произнесла съ глубокимъ вздохомъ: «Ахъ, лучше бы они оставили меня въ гробу вмѣстѣ съ моей матерью!»

«Когда я приставалъ къ ней съ просьбами объяснить эти загадочныя слова, изъ глазъ ея ручьемъ полились слезы; трепеща и рыдая, она призналась мнѣ, что черная женщина съ барабаномъ, выдававшая себя за ея мать, ей сама разъ заявила, что слухи относительно ея рожденія не были простой басней. «Въ городкѣ, гдѣ мы жили», продолжала Лорансъ, «меня всѣ звали покойницкимъ отродьемъ! Старухи увѣряли, что я, въ сущности, дочь одного тамошняго графа.

который всегда очень скверно обращался со своей женой, но устроилъ ей пышныя похороны, когда она умерла: но она была въ послѣднемъ періодѣ беременности и только впала въ летаргію, такъ что, когда воры, желая утащить дорогія украшенія покойной, раскрыли гробницу, они застали ее совершенно живою. въ родахъ; разрѣшившись отъ бремени, она тотчасъ же умерла, и воры спокойно положили ее обратно въ гробъ, а ребенка взяли съ собой и отдали на воспитаніе женщинѣ, которая была укрывательницей въ ихъ шайкѣ,—любовницей извѣстнаго чревовѣщателя. Этого бѣднаго ребенка, который былъ погребенъ еще ранѣе, чѣмъ родился, всѣ называли покойницкимъ отродьемъ. Ахъ, вы не можете себѣ представить, сколько горя пережила я еще маленькой дѣвочкой, слыша это прозвище. Пока чревовѣщатель еще былъ живъ, онъ нерѣдко сердился на меня и всегда кричалъ: «Проклятое покойницкое отродье, лучше бы я никогда не вытаскивалъ тебя изъ гроба». Такъ какъ онъ былъ искусный чревовѣщатель, то умѣлъ такъ управлять своимъ голосомъ, что, казалось, звуки его поднимались изъ-подъ земли. И тогда онъ увѣрялъ меня, что это голосъ моей матери, разсказывающей мнѣ свою судьбу. Онъ могъ знать ее. эту ужасную судьбу, ибо былъ когда-то камердинеромъ графа. Ему доставляло жестокое удовольствіе видѣть, какъ бѣдная маленькая дѣвочка съ величайшимъ ужасомъ внимала рѣчамъ, шедшимъ, повидимому, изъ-подъ земли. Эти шедшія изъ-подъ земли

рѣчи разсказывали страшныя исторіи, исторіи, которыхъ я въ цѣломъ не могла понять и которыя мало-по-малу забыла, но онѣ снова ярко воскресали предо мной, когда я танцовала. Да, когда я танцовала, меня всегда охватывало странное воспоминаніе, я забывала себя, мнѣ казалось, что я совсѣмъ другое лицо, что меня терзаютъ муки и тайны этого другого лица... Но какъ только я переставала танцовать, все это снова погасало въ моей памяти».

«Въ то время, какъ Лорансъ медленно и какъ бы вопрошая произносила эти слова, она стояла передо мной у камина, гдѣ все веселѣе разгоралось пламя; я сидѣлъ на креслѣ,—вѣроятно, обычномъ мѣстѣ ея супруга, когда онъ по вечерамъ, передъ отходомъ ко сну, разсказывалъ ей о своихъ сраженіяхъ. Лорансъ смотрѣла на меня своими большими глазами, словно прося совѣта: она склонила голову съ такой скорбной думой, она возбуждала во мнѣ такое благородное, сладкое чувство жалости: она была такъ изящна, такъ молода, такъ красива, эта лилія, выросшая изъ гроба, эта дочь смерти, это привидѣніе, съ лицомъ ангела и тѣломъ баядерки! Не знаю, какъ это случилось,—быть можетъ, тутъ сказалось вліяніе кресла, въ которомъ я сидѣлъ,—но мнѣ внезапно почудилось, что я старый генералъ, который вчера, сидя здѣсь, описывалъ битву при Іенѣ, мнѣ показалось, что я долженъ продолжать свой разсказъ, и я произнесъ: «Послѣ битвы при Іенѣ, въ теченіе немногихъ недѣль, почти безъ перестрѣлокъ, сда-

лись всѣ прусскія крѣпости. Сначала сдался Магдебургъ; это была самая сильная крѣпость, и у нея было триста пушекъ. Развѣ это не позорно?»

«Но мадемуазель Лорансъ не дала мнѣ дальше говорить; мрачное выраженіе улетѣло съ ея прекраснаго лица, она расхохоталась, какъ дитя, и воскликнула: «Да, это позорно, это болѣе чѣмъ позорно! Если бъ я была крѣпостью и у меня было бы триста пушекъ, я никогда бы не сдалась!»

«Но такъ какъ мадемуазель Лорансъ не была крѣпостью и не имѣла трехсотъ пушекъ...»

Послѣ этихъ словъ Максимиліанъ вдругъ остановился и, сдѣлавъ небольшую паузу, тихо спросилъ:

«Вы спите», Марія?

«Я сплю», отвѣтила Марія.

«Тѣмъ лучше», сказалъ Максимиліанъ съ тонкой улыбкой, «въ такомъ случаѣ мнѣ нечего бояться, что вы соскучитесь, если я, по обыкновенію современныхъ новелистовъ, нѣсколько подробнѣе опишу меблировку той комнаты, въ которой я находился».

«Не забудьте только кровать, дорогой другъ!»

«Это была, дѣйствительно, роскошная кровать», возразилъ Максимиліанъ. «Ножками ея, какъ всегда въ кроватяхъ стиля ампиръ, служили каріатиды и сфинксы; она такъ и сверкала роскошной позолотой, особенно выдѣлялись золотые орлы, которые нѣжно цѣловались клю-

вами, точно голуби,—это было какъ бы символомъ любви въ эпоху ампиръ. Пологъ кровати былъ изъ краснаго шелка, и пламя камина такъ ярко просвѣчивало сквозь него, что мы съ Лорансъ были освѣщены огненно-краснымъ свѣтомъ, и мнѣ представлялось, что я—богъ Плутонъ, окруженный адскими огнями и держащій спящую Прозерпину въ своихъ объятіяхъ. Она спала, а я разсматривалъ ея милое лицо и старался въ ея чертахъ найти объясненіе той симпатіи, которую чувствовала къ ней моя душа. Что же такое эта женщина? Какой смыслъ скрывается подъ символикой этихъ прекрасныхъ формъ? Прелестная загадка кротко лежала теперь въ моихъ рукахъ, принадлежала мнѣ, и все-таки оставалась неразгаданной.

«Не глупо ли однако пытаться разгадать внутренній смыслъ другого существа, въ то время какъ мы не въ состояніи разрѣшить загадки даже нашей собственной души! Вѣдь мы не можемъ даже навѣрное узнать, существуютъ ли на самомъ дѣлѣ другія существа! Вѣдь случается же иногда, что мы не въ состояніи отличить реальность отъ простого сновидѣнія! Было ли это продуктомъ фантазіи, или ужасною дѣйствительностью, то, что я видѣлъ и слышалъ въ эту ночь? Я этого не знаю. Я припоминаю только, что въ то время, какъ самыя дикія мысли бушевали въ моей душѣ, ухо внезапно уловило какіе-то странные шорохи. Это была безумная мелодія, едва слышная. Она казалась мнѣ хорошо знакомой, и подъ конецъ я уло-

вилъ звуки треугольника и барабана. Эта стрекочущая, жужжащая музыка звучала, повидимому, гдѣ-то далеко, далеко, и однако, когда я взглянулъ, я увидѣлъ совсѣмъ близко передъ собой, посреди комнаты, знакомое зрѣлище: это былъ м-сьё Тюрлютю, карликъ, игравшій на треугольникѣ, въ то время, какъ мамаша била въ барабанъ, а ученая собака шарила по полу, какъ будто пытаясь снова сложить свои деревянныя буквы. Собака двигалась, казалось, лишь съ большимъ трудомъ, и шерсть ея покрывали пятна крови. Мамаша была все еще одѣта въ свое черное траурное платье, но животъ ея уже не выпячивался такъ комично впередъ, а отвратительно свисалъ внизъ; точно такъ же лицо ея было уже теперь не красно, а блѣдно. Карликъ, который попрежнему носилъ расшитое платье французскаго маркиза стараго времени и напудренный парикъ, казался слегка подросшимъ, быть можетъ, потому, что онъ страшно исхудалъ. Онъ попрежнему показывалъ фокусы фехтовальнаго искусства и, повидимому, повторялъ свои старыя хвастливыя рѣчи; однако онъ говорилъ такъ тихо, что я не могъ разобрать ни одного слова, и только по движенію его губъ могъ порою замѣтить, что онъ шёлъ пѣтухомъ.

«Въ то время, какъ эти комично-страшныя карикатуры, словно тѣни, съ жуткой торопливостью двигались передъ моими глазами, я почувствовалъ, что мадемуазель Лорансъ начинаетъ дышать все безпокойнѣе. Ледяной ознобъ

потрясалъ ее всю, и словно отъ нестерпимой боли содрогалось прелестное тѣло. Наконецъ, гибкая, какъ угорь, она выскользнула изъ моихъ рукъ, внезапно очутилась посреди комнаты и начала танцовать, въ то время какъ мать изъ барабана, а карликъ изъ треугольника извлекали заглушенные, тихіе звуки. Она танцовала совершенно такъ же, какъ нѣкогда у моста Ватерлоо и на перекресткахъ лондонскихъ улицъ. Это были тѣ же самыя таинственныя пантомимы, тѣ же самые порывистые, страстные прыжки, то же вакхическое закидываніе головы, порою приниканіе къ землѣ, словно она хотѣла разслышать, что говорятъ ей внизу, затѣмъ дрожь, блѣдность, столбнякъ и снова прислушиваніе склоненнымъ къ землѣ ухомъ. Точно такъ же терла она опять свои руки, какъ будто хотѣла ихъ вымыть. Наконецъ, она, повидимому, снова бросила на меня свой глубокій, страдающій, полный мольбы взглядъ... но только въ чертахъ ея смертельно-блѣднаго лица уловилъ я этотъ взглядъ, а не въ глазахъ, которые все время оставались закрытыми. Все въ болѣе и болѣе тихихъ звукахъ замерла музыка: мамаша съ барабаномъ и карликъ мало-по-малу блѣднѣли и, разсѣиваясь какъ туманъ, наконецъ, совершенно исчезли: но мадемуазель Лорансъ все еще оставалась посреди комнаты и продолжала танцовать съ закрытыми глазами. Этотъ танецъ съ закрытыми глазами въ ночной тишинѣ комнаты придавалъ этому милому существу такой жуткій видъ привидѣнія, что мнѣ

стало не по себѣ, я не разъ содрогался и былъ отъ души радъ, когда она закончила свою пляску и снова скользнула въ мои объятія такимъ же легкимъ движеніемъ, какимъ раньше покинула меня.

Я долженъ сознаться, что эта сцена произвела на меня далеко не пріятное впечатлѣніе. Но человѣкъ ко всему привыкаетъ. Возможно, что зловѣщее въ этой женщинѣ придавало ей особую привлекательность, къ моимъ чувствамъ примѣшивалась нѣжность, полная жуткаго трепета... Какъ бы то ни было, черезъ нѣсколько недѣль я уже ничуть не удивлялся, когда ночью раздавались тихіе звуки треугольника и барабана, а моя дорогая Лорансъ внезапно вставала и съ закрытыми глазами начинала танцовать свое соло. Ея супругъ, старый бонапартистъ, командовалъ частью, расположенной въ окрестностяхъ Парижа, и служба позволяла ему проводить въ городѣ одни только дни. Само собой разумѣется, я сдѣлался его интимнѣйшимъ другомъ, и онъ горько плакалъ, когда ему пришлось надолго разстаться со мной. Дѣло въ томъ, что онъ долженъ былъ уѣхать съ женою въ Сицилію, и я никогда ихъ больше не видѣлъ».

Окончивъ этотъ разсказъ, Максимиліанъ быстро схватилъ шляпу и выскользнулъ изъ комнаты.

Универсальная библіотека.—Цѣна номера 10 коп.

Обознач. * пьесы разрѣшены драмат. ценз. къ представ. безусловно.

1. **Ибсенъ.** Кукольный домъ (Нора) *
2. **Ибсенъ.** Врагъ народа.
3. **Ибсенъ.** Привидѣнія. *
4. **Ибсенъ.** Гедда Габлеръ.
5. **Ибсенъ.** Строитель Сольнесъ.
6. **Ибсенъ.** Эллида.
7. **Бьернсонъ.** Свыше силъ, ч. I.
8. **Бьернсонъ.** Свыше силъ, ч. II.
9. **Гауптманъ.** Передъ восходомъ солнца.
10. **Шницлеръ.** Зеленый попугай. Парацельзусъ. Подруга.
11. **Метерлинкъ.** Монна Ванна.
12. **Пшибышевскій.** Снѣгъ. *
13. **Ибсенъ.** Росмерсхольмъ.
14. **Гауптманъ.** Роза Берндъ.
15. **Гауптманъ.** Эльга.
16. **Шницлеръ.** Сказка.
17. **Аннунціо.** Дочь Іоріо.
18. **Жеромскій.** Лѣсные отголоски.
19. **Метерлинкъ.** Сестра Беатриса.
20. **Аничисъ.** Учительница рабочихъ.
21. **Уайльдъ.** Саломея.
22. **Гауптманъ.** Геншель.
23. **Гейермансъ.** Всѣхъ Скорбящихъ.
24. **Пшибышевскій.** Вѣчная сказка.
25. **Гауптманъ.** Одинокіе люди.
26-27. **Фибихъ.** Бабья деревня.
28. **Гофмансталь.** Свадьба Зобенды. *
29. **Гофмансталь.** Смерть Тиціана, * Вчера. *
30. **Делле Граціэ.** Катастрофа.
31. **Кюрель.** Новый кумиръ.
32-33. «Изъ одного русла». Томъ I. Сборникъ съ предисл. **Э. Ожешко.**
34. **Ибсенъ.** Когда мы, мертвые, проснемся.
35. **Гейзе.** Марія изъ Магдалы.
36. **Лемонье.** Мертвецъ. Руки. Глаза, которые видѣли.
37. **Гауптманъ.** Михаэль Крамеръ.
38. **Бетхеръ.** Шквалъ.
39. **Шницлеръ.** Сумеречныя души.
40. **Леконтъ де Лиль.** Эриннія.
41. **Уайльдъ.** Вѣеръ леди Уиндермиръ. *
42. **Коппе.** Северо Торелли.
43-44. **Блэчфордъ.** Страна чудесъ.
45. **Пшибышевскій.** Ради счастья. * Мать. *
46. **Шницлеръ.** Поручикъ Густль.
47. **Метерлинкъ.** Чудо святого Антонія. Аріана и Синяя Борода.
48. **Аннунціо.** Сильнѣе любви.
49-50. **Гауптманъ.** Потонувшій колоколъ.
51. **Гауптманъ.** Праздникъ міра.
52-53. **Ибсенъ.** Кесарь и Галилеянинъ I. Отступничество Цезаря.
54-55 **Гамсунъ.** Панъ
56. **Шоу.** Промыселъ г-жи Уорренъ.
57. **Гэббель.** Юдиѳь.
58-59. **Аннунціо.** Корабль.
60. **Верхарнъ.** Монастырь.
61. **Стриндбергъ.** Отецъ.
62. **Метерлинкъ.** Слѣпые. Тамъ внутри. Непрошенная.
63. **Шоу.** Фарисеи.
64. **Гамсунъ.** Викторія.
65. **Лагерлёфъ.** Легенда одной усадьбы.
66. **Ибсенъ.** Столпы общества.
67. **Дрейеръ.** Семнадцатилѣтніе.
68. **Гофмансталь.** Женщина въ окнѣ.
69. **Верхарнъ.** Зори.
70. **Шницлеръ.** Смерть.
71-72. **Франсъ.** Источникъ Св. Клары.
73. **Пшибышевскій.** Пляска любви и смерти. Золотое руно. Гости.
74. **Стриндбергъ.** Товарищи. *
75-76. **Гедбергъ.** Іуда.
77. **Зудерманъ.** Іоаннъ.
78. **Тетмайеръ.** Бездна.
79. **Стриндбергъ.** Графиня Юлія.
80. **Ибсенъ.** Дикая утка.
81. **Франанъ.** Спасители нравственности.
82. **Метерлинкъ.** Пелеасъ и Мелизанда.
83. **Аданъ.** Византія.
84. **Флеберъ.** Иродіада. Сказаніе о св. Юліанѣ Милостивомъ. Простая душа.
85. **Яничекъ.** Женщина.
86. **Мериме.** Карменъ.
87. **Ибсенъ.** Маленькій Эйольфъ. *
88. **Стриндбергъ.** Пепелище.
89. **Фибихъ.** Борьба за мужчину.
90. **Гофмансталь.** Эдипъ и Сфинксъ.
91-92. **Шницлеръ.** Фрау Берта Гарланъ.
93-94. **Мериме.** Жакерія
95. **Шницлеръ.** Часы жизни. *
96. **Таро.** Слава Дингли.
97. **Шницлеръ.** Жена мудреца.
98. **Шницлеръ.** Забава. *
99-100. **Гамсунъ.** Голодъ.

Универсальная библіотека.—Цѣна номера 10 коп.

Обознач. * пьесы разрѣшены драмат. ценз. къ представ. безусловно.

101. **Гамсунъ.** У вратъ царства *
102 **Шницлеръ.** Безъ запрета.
103. **Пшибышевскій.** Обрученіе.
104. **Метерлинкъ.** Аглавена и Селизета. *
105. **Лагерлёфъ.** Деньги г-на Арне
106. **Шницлеръ.** Маріонетки. *
107. **Эчегарай.** Великій Галеотто. *
108. **Гальбе.** Юность.
109. **Шницлеръ.** Интермеццо. *
110-111. **Ибсенъ.** Кесарь и Галилеянинъ. II. Императоръ Юліанъ.
112-113. **Пшибышевскій.** Сыны земли.
114. **Г. Манъ.** Флейты и кинжалы.
115. **Анценгруберъ.** Нашла коса на камень.
116-117. **Шницлеръ.** Покрывало Беатриче. *
118. **Роденбахъ.** Мертвый Брюгге.
119. **Седербергъ.** Гертруда (Любовь—все).
120. **Бергстремъ.** Кярэнъ Борнеманъ.
121. **Гамсунъ.** Вечерняя заря. *
122. **Понтоппиданъ.** Молодая любовь.
123. **Тетмайеръ.** Разсказы и фантазіи.
124. **Шницлеръ.** Крикъ жизни.
125. **Вилье де-Лиль Аданъ.** Тайна эшафота.
126. **Д'Оревильи.** Дьявольскія маски.
127. **Аннунціо.** Джованни Эпископо.
128. **Метерлинкъ.** Жуазель. *
129-130. **Гамсунъ.** Подъ осенними звѣздами.
131. **Шницлеръ.** Одинокій путь. *
132-133. **Сигурдъ.** Исторія одной жизни.
134. **Шницлеръ.** Греческая танцовщица. *
135. **Мультатули.** Письма любви.
136. **Шницлеръ.** Анатоль.
137. **Вилье де-Лиль Аданъ.** Жестокіе разсказы.
138. **Зигель.** Надъ пучиной.
139. **Гофмансталь.** Авантюристъ и пѣвица. *
140-3. **Пшибышевскій.** Homo Sapiens.
144. **Уайльдъ.** Идеальный мужъ. *
145. **Додэ.** Тартаренъ изъ Тараскона.
146. **Гамсунъ.** Мечтатель.
147. **Ибсенъ.** Джонъ Габр. Боркманъ.
148-149. **Ибсенъ.** Брандъ.
150. **Гейбергъ.** Трагедія любви.
151. **Обстфельдеръ.** Крестъ.
152. **Пшибышевскій.** De profundis.
153-154. **Гамсунъ.** Редакторъ Люнге.
155. **Аннунціо.** Мертвый городъ. *
156. **Гюго.** Послѣдній день осужденнаго на смерть.
157. **Шницлеръ.** Послѣдняя воля.
158. **Метерлинкъ.** Принцесса Малэнъ.
159-160. **Роденбахъ.** Звонарь.
161-162. **Гейерстамъ.** Книга о маленькомъ братцѣ.
163. **Золя.** Осада мельницы. Какъ умираютъ. Наводненіе.
164-165. **Гамсунъ.** Поросль.
166. **Пшибышевскій.** Requiem aeternam. Стезею Каина. Тиртей.
167-8 **Пшибышевскій.** Дѣти сатаны.
169. **Пшибышевскій.** Андрогина. Аметисты.
170. **Аннунціо.** Джіоконда. *
171. **Аннунціо.** Факелъ подъ мѣрой.
172. **Сенкевичъ.** Пойдемъ за нимъ.
173. **Гарборгъ.** Проповѣдникъ.
174. **Розеггеръ.** Молитва плотника и др. разсказы.
175 **Ибсенъ.** Фру Ингеръ изъ Эстрота.
176-177 **Гонкуръ.** Элиза.
178. **Бангъ.** Таинственные разсказы.
179. **Аннунціо.** Сонъ весенняго утра. Сонъ осенняго заката.
180. **Ожье.** Клерикалы.
181. **Омптеда.** О смерти.
182. **Уайльдъ.** De profundis.
183. **Гамсунъ.** Воинствующая жизнь.
184. **Прево.** Куколка.
185. **Гамсунъ.** Подъ полумѣсяцемъ.
186. **Конопницкая.** Прометей и Сизифъ.
187. **Гаукландъ.** Бѣлыя ночи.
188. **Г. Манъ.** Актриса.
189. **Мюссе.** Сынъ Тиціана. Мушка.
190-191. **Уэллсъ.** Борьба міровъ.
192. **Рейтеръ.** Женскія души.
193-194. **Додэ.** Письма съ мельницы.
195-196. **Гауптманъ.** Заложница Карла Великаго. *
197-199 **Г. Манъ.** Голосъ крови.
200. **Метерлинкъ.** Семь принцессъ. * Алладина и Паломидъ. *

701. **Уайльдъ.** Герцогиня Падуанская.
702-705. **Флоберъ.** Мадамъ Бовари.
706 **Гаффи.** Джалаледдинъ.
707. **Реймонтъ.** Изъ дневника.
708-711. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
712. **Агаронянъ.** Матери и др. разск.
713. **Мопассанъ.** Пышка и др. разск.
714. **Крагъ.** Стефанъ Іернъ. Собака.
715-716. **Деларю-Мардрюсъ.** Изступленная.
717. **Мопассанъ.** Нездѣшній и др.
718-721. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ II.
722. **Катюллъ Мендесъ.** Лесбія и др.
723. **Верга.** Исторія одной малиновки.
724-727. **Вассерманъ.** Исторія юной Ренаты Фуксъ.
728. **Мопассанъ.** Иветта.
729-731. **Дюма-сынъ.** Дама съ камеліями.
732. **Михаэлисъ.** Опасный возрастъ.
733-734. **Шиллеръ.** Разбойники.
735. **Мольеръ.** Скупой.
736-737. **Лоти.** Исландскій рыбакъ.
738. **Мелль.** Разсказъ о рабѣ-евреѣ.
739-742. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ III.
743. **Мопассанъ.** Домъ Телье и др.
744-747. **Бласко Ибаньесъ.** Мертвые повелѣваютъ.
778. **Верлэнъ.** Избр. стихотворенія.
749-752. **Ожешко.** Моиръ Эзофовичъ.
453. **Диккенсъ.** Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754-757. **Реймонтъ.** Мужики IV (Лѣто).
758. **Диккенсъ.** Колокола.
759-761. **Лагерлефъ.** Домъ Лиліекроны.
762. **Михаэлисъ.** Эльзи Линдтнеръ.
763. **Мопассанъ.** Лунный свѣтъ и др. разсказы.
764-766. **Пшибышевскій.** Сумерки.
767. **Кастельнуово.** Рыцари непорочной и др.
768-769. **Андрэ.** Мужскія письма
770. **Байронъ.** Сарданапалъ.
771-773. **С. Михаэлисъ.** „1812“. Вѣчный сонъ.
774. **Мопассанъ.** Напрасная красота.
775-780. **Г. Манъ.** Охота за любовью.
781. **Мопассанъ.** Оливковый садъ.
782-783. **Гейерстамъ.** Власть женщины.
784-785. **Ренье.** Необычайные любовники. Разсказы тринадцати.
786. **Джэкъ Лондонъ.** Лунный линъ.
787-789. **Бальзакъ.** Тридцатилѣтняя женщина.
790. **Лондонъ.** Богъ его отцовъ.
791-793. **Тетмайеръ.** Яносикъ Нендза Литмановскій.
794. **Бальзакъ.** Любовь подъ маской.
795-798. **Стриндбергъ.** Исповѣдь безумца.
799. **Гартлебенъ.** Гостепріимный пасторъ.
800-801. **Ибсенъ.** Перъ Гюнтъ.
802-805. **Флоберъ.** Саламбо.
806. **Лондонъ.** Любовь къ жизни.
807-809. **Майнъ-Ридъ.** Ползуны по скаламъ.
810-811. **Мопассанъ.** Сказки дня и ночи.
812. **Лондонъ.** Мужская вѣрность.
813-815. **Г. Бангъ.** Михаэль.
816. **Лондонъ.** Когда боги смѣются.
817-818. **Киплингъ.** Смѣлые моряки.
819. **Уйда.** Степь.
820-821. **А. Франсъ.** Подъ придорожнымъ вязомъ.
822. **Лондонъ.** Сила женщины.
823-824. **Шатобріанъ.** Атала. Ренэ.
825. **Лондонъ.** Послѣдняя борьба.
826-828. **Мопассанъ.** Наше сердце.
829. **Уэллсъ.** Страна слѣпыхъ.
830. **Янъ Порукъ.** Бѣлая одежда.
831-833. **Р. Киплингъ.** Свѣтъ погасъ.
834. **Мольеръ.** Мнимый больной. Бракъ по принужденію.
835-836. **Франсъ.** Ивовый манекенъ.
837. **Г. Андерсенъ.** Ледяница.
838-839 **К. Михаэлисъ.** Книга о любви.
840-843. **Лондонъ.** Морской волкъ.
844. **Уайльдъ.** Преступленіе лорда Артура Сэвиля и др. разсказы.
845-848. **Ирасекъ.** Псоглавцы.
849. **Бирбаумъ.** Странныя исторіи.
850-855. **Лондонъ.** Мартинъ Идэнъ.
856. **Стриндбергъ.** Дѣтская сказка.
857-858. **Мопассанъ.** Разсказы бекаса.
859. **Кн. А. Церетели.** Баши-Ачукъ.

Универсальная библіотека.—Цѣна номера 10 коп.

860-862. **Сроковскій.** Анахронисты.
863. **Сюлли-Прюдомъ.** Избранныя стихотворенія.
864-866. **Жюль Верн'ъ.** Вокругъ луны.
867. **Макушинскій.** Мефистофель.
868-870. **Францъ.** Аметистовый перстень.
871-872. **Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ.** Поль и Виргинія.
873. **Гейне.** Флорентійскія ночи.
874-877. **Аннунціо.** Невинный.

Научно-популярная литература.

651. **Э. Пименова.** Наполеонъ I.
652. **Т. Богдановичъ.** Александръ I.
653-657. **Гр. де-Сегюръ.** Походъ въ Россію. Записки адъютанта Наполеона I.
658. **В. Пичета.** Причины Отечественной войны.
659. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. I. Природа и возникновеніе художественнаго произведенія.
660. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. II. Живопись эпохи Возрожденія въ Италіи.
661. **Т. Сократова (Алабина).** Наполеонъ въ Россіи.
662. **Г. Швабъ.** Миѳы классической древности. Походъ аргонавтовъ.
663. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. III. Живопись въ Нидерландахъ.
664. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. IV. Ваяніе въ древней Греціи.
665-666. **Л. Гартманъ.** Паденіе античнаго міра.
667. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. V. Идеалъ въ искусствѣ.
668. **Платонъ.** Апологія Сократа. Критонъ.
669. **Дж. Уотсонъ.** Наслѣдственность.
670—671. **В. Пичета.** Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. **В. Филатовъ.** Родъ бояръ Романовыхъ.
673. **Е. Богрова.** Дмитрій I.
674. **М. Коваленскій.** Московская смута XVII вѣка.
675. **Маржеретъ.** Состояніе Россійской державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.
676-677. **Перцевъ.** Девятнадцатый вѣкъ.
678. **Мондеръ.** Наука о звѣздахъ.
679-680. **Шарль Диль.** Византійскіе портреты. Т. I. В. I.

Справочный отдѣлъ.

Серія карманныхъ словарей.

601-604. **Французско-русскій карманный** словарь съ приложеніемъ грамматики французскаго языка (произношеніе, орѳографія, этимологія и словообразованіе). Сост. **Н. Бронштейнъ и О. Румеръ.** Цѣна въ переплетѣ—50 коп.

605-608. **Русско-французскій карманный словарь** съ приложеніемъ французскихъ разговоровъ для русскихъ путешественниковъ. Составилъ **Н. Бронштейнъ.** Цѣна въ переплетѣ—50 коп.

Подробный каталогъ высылается безплатно.

Заказы не менѣе, чѣмъ на полтора рубля, исполняются Главной Конторой (Москва, Козицкій п., № 2) наложеннымъ платежомъ.

Типографія Русскаго Товарищества, Москва